

ГАРТ
НИКС

ЛЕВОРУКИЕ
КНИГОТОРГОВЦЫ
ЛОНДОНА

The Big Book

Гарт Никс

**Леворукие
книготорговцы Лондона**

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Никс Г.

Леворукие книготорговцы Лондона / Г. Никс — «Азбука-Аттикус», 2020 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-20496-6

1983 год. Лондон, но совсем не тот Лондон, который знают и помнят многие. Сьюзен Аркшо, имея в своем распоряжении всего лишь старый билет в читальный зал, серебряный портсигар с полустертым гербом и бумажку с фамилией отца (скорее всего, написанной неправильно), отправляется в Лондон на поиски своего родителя. Здесь она знакомится с Мерлином и его сестрой Вивьен, представителями большой семьи леворуких (воинов) и праворуких (интеллектуалов) книготорговцев, охраняющих с помощью магии Новый мир от вторжений мифического Древнего мира. Леворукий Мерлин и праворукая Вивьен активно включаются в поиски отца Сьюзен, полагая, что его исчезновение странным образом связано с убийством их матери. Что или кто был отцом Сьюзен? Это необходимо выяснить как можно скорее, поскольку Древний мир начинает опасное вторжение в Новый... Впервые на русском языке!

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-20496-6

© Никс Г., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	33
Глава 6	41
Глава 7	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Гарт Никс

Леворукие книготорговцы Лондона

*Анне, Томасу и Эдварду; моим родителям, Эдварду и Катарине
Никс; моим братьям Саймону и Джонатану и их семьям, а также всем
моим родным и друзьям*

Garth Nix

THE LEFT-HANDED BOOKSELLERS OF LONDON

Text copyright © 2020 by Garth Nix

This edition is published by arrangement with Jill Grinberg Literary Management LLC and
The Van Lear Agency LLC

© Н. Маслова, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Эта история произошла в Англии в 1983 году. Правда, люди, которые еще помнят то время, возразят, что жизнь тогда была совсем другая, да и в учебниках истории ничего такого не пишут. Но кто знает, где правда на самом деле?

Пролог

Майским утром 1983 года, в 5:42, над Западной Англией встало солнце. Край огненного диска уже показался из-за холмов, но свет и тепло еще не проникли в неглубокую долину, перерезанную мелкой речушкой. Она текла прямо, но в миле от запруды резко сворачивала влево.

Через речку был переброшен мостик из трех досок, который гостеприимно приглашал прохожего на другой берег, к старому фермерскому дому. Однако тропа на том берегу оставалась почти нехоженой, а потому приглашение принимали немногие. И неудивительно: начало тропы – у древнего дуба, на развилке дорог, возле крошечной деревушки над запрудой, – почему-то неизменно ускользало от глаз путников.

На пороге дома показалась девушка. Она зевала и жмурилась со сна.

Девушку звали Сьюзен Аркшо, две минуты назад ей исполнилось восемнадцать лет. Она была не столько хороша собой, сколько необычна: густые черные брови странно контрастировали с обесцвеченной щетиной на бритой голове. Вместо ночной рубашки – просторная футболка с надписью «Jimi Hendrix Summer Tour 1968», пятнадцать лет назад подаренная ее матери дорожным менеджером музыканта. При небольшом росте девушка была на удивление гибкой и мускулистой, так что ее часто принимали за профессиональную танцовщицу или гимнастку, и напрасно.

Мать Сьюзен, высокая, тонкая и совсем не мускулистая, говорила дочери, что та пошла в отца, и, надо полагать, не ошибалась. Но девушка никогда не видела своего второго родителя, а мать никогда о нем не рассказывала.

Сьюзен подошла к речке, присела и опустила руку в чистую прохладную воду. Опять ей снился сон, тот самый, из детства. Она нахмурилась, вспоминая подробности. Начинался он всегда одинаково, на берегу, на этом самом месте. Вот и теперь ей показалось, будто она видит его на самом деле...

* * *

Вода в ручье вдруг пошла пузырями, словно на поверхность поднималась большая рыба, но потом забурилась и заклокотала – никакой рыбе это не было под силу. Зато из середины потока стало подниматься существо – медленно, будто его тянули на веревке. Его ноги и руки были из воды, в которой колыхались пряди подводной травы, ветки ивы и стебли камыша. Головой служил ком перекрученных ольховых корней, размером с корзину, на котором таращились прозрачные глаза – два белесых водоворота, – а под ними шевелили усами два больших рака, вцепившиеся клешнями в хвосты друг другу. Их покрытые панцирями тела были губами – верхней и нижней.

Булькая и расплескивая чистейшую ледяную воду, существо шагнуло на берег, потащилось сначала по траве, потом по мощеной дорожке к дому, остановилось там и, вытянув длинную руку, встряхнуло зелеными пальцами – ивовыми листьями – и окропило водой оконное стекло – раз, другой, третий.

Губы-раки задвигались, меж ними заскользил зеленый язык – стебель подводной травы – и зашлепал, выталкивая мокрые, шепелявые слова:

– Слежу-ворожу, слежу-ворожу.

Существо развернулось и двинулось назад, к реке, с каждым шагом теряя объем, высоту и плотность, пока наконец не превратилось в кучку водяного мусора: такую оставляет на берегу

ручей после ливня или половодья. Словно его и не было... если бы не полоса мокрой грязи на мощеной дорожке перед домом.

* * *

Сьюзен потерла пальцами виски и оглянулась. По каменной дорожке, от дома к ручью, тянулась полоса мокрой грязи. Ну и что? Может быть, мать ни свет ни заря ходила на ручей за глиной для поделок...

На крыше каркнул ворон. Сьюзен помахала ему рукой. Вороны ей тоже снились, только большие, даже здоровенные, каких не бывает в природе. К тому же они говорили, вот только Сьюзен никогда не могла вспомнить, что именно. Лучше всего помнилось начало сна; после водяного все как-то путалось.

Да, кроме воронов, в ее сне была еще одна тварь, которая жила в холме за домом. Вылезала оттуда, прямо из земли, – ящерица, только каменная... или даже дракон.

Сьюзен улыбнулась, думая о том, что все это может значить. Видно, ее подсознание, которому с детства давали обильную пищу книжки Сьюзен Купер, Толкина и К. С. Льюиса, разыгралось не на шутку. Вообще-то, водяной, огромные вороны и каменная ящерица должны были сложиться в превосходный кошмар, но девушке совсем не было страшно. Даже наоборот, после каждого такого сна становилось удивительно спокойно.

Сьюзен опять зевнула и пошла в дом. Уже погружаясь в сон под мягким пуховым одеялом, она вдруг вспомнила, что говорил ей ворон.

«Дары, которые дал нам твой отец, мы, твари воды, земли и неба, сторожим-ворожим».

– Мой отец, – сонно подумала Сьюзен. – Отец...

В восемь утра мать внесла в ее спальню поднос с чаем и тостами, как делала на каждый ее день рождения – к тому времени Сьюзен уже забыла и о своем раннем пробуждении, и о сне. Не давало покоя лишь смутное воспоминание о том, что какой-то сон все-таки был...

Она посмотрела на мать, которая села на ее постель.

– Мне снился интересный сон. Кажется. Только я не помню о чем. Вроде бы что-то важное...

– Это хорошо, когда снятся сны, – ответила мать, которая сама жила как во сне. Словно гребнем, она провела пальцами по роскошной гриве черных волос, кое-где тронутых сединой – следами не старости, а горя. Свою шевелюру Жассмин – так звали мать Сьюзен – не доверяла никому и приходила в смятение, стоило дочери хотя бы намекнуть ей на новую прическу, и лишь подравнивала кончики, причем всегда сама. – Всегда хорошо... почти... хотя бывают дурные сны...

– По-моему, мой сон... мне кажется, он как-то связан с моим отцом.

– Правда? Еще чашечку?

– Ты точно не можешь рассказать мне, кто он, мама?

– Не могу. Время было совсем другое. Я была другой. Он... Я забыла, что ты сказала насчет чая – да или нет?

– Да, мама.

Мать и дочь молча пили чай, думая каждая о своем.

Наконец Сьюзен решительно сказала:

– Знаешь, поеду-ка я в Лондон пораньше. Потрусь там, привыкну. Подработку какую-нибудь найду... в пабах никогда не отказываются от пары лишних рук. А еще... я хочу поискать отца.

– Что ты сказала, милая?

– Я уезжаю в Лондон. Не буду дожидаться приглашения. Работу поищу и все такое.

– А-а-а... Вот как. Ну что ж, вполне естественно. Только обещаю тебе, что будешь осторожна. Он рассказывал... Хотя нет, это не о том...

– Кто – он? О чем он рассказывал – или о ком?

– Что? Нет, не помню. Да, Лондон. Конечно поезжай. Когда мне было восемнадцать, я и представить не могла, как можно жить где-то еще. Но я настаиваю на открытках. Присылай мне открытки с видами Лондона. Трафальгарская площадь...

Сьюзен ждала продолжения, но Жасмин умолкла, рассеянно глядя в стену. Мысль, которой она хотела поделиться с дочерью, так и не родилась.

– Ладно, мам, обещаю.

– Не сомневаюсь, что ты будешь осмотрительна! Восемнадцать лет! С днем рождения, доченька! Ну все, мне пора к картине, пока вон то облако не закрыло небо и не испортило свет. Подарки потом, ладно? После завтрака.

– Договорились. Не упусти свет!

– Конечно. И ты тоже, милая. Особенно ты. Всегда будь на стороне света. Он этого хотел.

– Мам! Кто – он? Мам, подожди... а, ладно...

Глава 1

*Там клерк в перчатках, леворук,
И меч, ему вернейший друг,
Фехтуют ловко с праворуким,
Войны и книги превзойдя науки.*

Стройный юноша с длинными светлыми волосами, в винтажном костюме-тройке цвета горчицы – расклешенные брюки прикрывали полусапожки из поддельной аллигаторовой кожи на двухдюймовом кубинском каблуке, – склонился над кожаной кушеткой, где распростерся мужчина средних лет. Его шелковый халат с монограммой распахнулся, обнажив бледное брюхо, раздутое, как у рыбы-фугу. Обрюзгшее лицо налилось краской гнева, двойные подбородки все еще студенисто дрожали от недавнего столкновения ярко-розового носа с острием серебристой шляпной булавки.

– Ты за это заплатишь, ты, мелкий с... – прошипел мужчина и выбросил вверх руку с зажатой в ней опасной бритвой, только что выхваченной из-под расшитой подушки.

Но резкое движение дорого ему обошлось – лицо утратило плотность, и мясо стекло с костей, мгновенно съежившись, как пластиковый пакет над свечкой. Стройный юноша – или все же девушка в мужском костюме? – отпрянул, но продолжал наблюдать, как волна изменений идет по телу, как плоть тонким порошком осыпается внутрь роскошного голубого халата и из воротника и обшлагов начинают торчать странные желтые кости, которые превращаются в крохотные дюны из нежнейшего песка, вроде того, что на большой глубине устилает дно океана.

Правда, для появления этого песка не потребовалось ни миллионов лет, ни мощи морского прибоя. Хватило пары секунд и одного булавочного укола. Вот только булавка, надо признать, была особой, хотя на первый взгляд ничем не отличалась от тех, какими дамы во времена королей Георгов крепили к прическам свои шляпы. Дело в том, что на посеребренную сталь было нанесено Соломоново заклятие уничтожения, мельчайшими, недоступными простому глазу буквами вписанное между клеймами, которые удостоверяли, что изготовлена она в 1797 году в городе Бирмингеме серебряных дел мастерами Харштоном и Гулом. Малоизвестные ювелиры. Не из тех, кто не знает отбоя от клиентов при жизни и становится мечтой коллекционеров после смерти. Впрочем, ничего удивительного, ведь Харштон и Гул делали только булавки для шляп да еще на диво острые ножи для разрезания бумаги.

Юноша – все же это был именно юноша, по крайней мере, имел больше соответствующих признаков – держал булавку левой рукой, затянутой в перчатку из светло-коричневой кожи кабретта, удивительно тонкой и гибкой, в то время как изящная правая рука была свободна от всякой защиты, не считая кольца на указательном пальце: по тонкому золотому ободку змеилась надпись, прочесть которую можно было лишь с помощью специальных приспособлений.

Недрогнувшей левой рукой юноша вставил булавку в специальный кармашек на правом рукаве своего пиджака, а булавочную головку заправил под запонку из половинки соверена (1897 год, юбилей правления королевы Виктории; не хухры-мухры), блеснувшую на манжете рубашки от «Тернбулла и Ассера». Правда, правая рука юноши все же немного дрогнула во время этой операции, но не настолько, чтобы острие булавки оставило хотя бы малейшую зацепку на ткани рукава.

Причиной его легкого волнения служило отнюдь не развоплощение уголовного авторитета Фрэнка Трингли, которое он произвел только что. Дело в том, что юноше не полагалось даже приближаться к жилищу авторитета, и теперь он ломал голову над тем, как объяснить это...

– Руки... руки вверх!

Юноше не полагалось также приходить в волнение при виде молодой девушки, которая вдруг ворвалась в комнату, держа перед собой дрожащими руками острый поделочный нож Х-АСТО. Она была не высокой, но и не маленькой, двигалась стремительно, но плавно, как профессиональная танцовщица или мастер боевых искусств, однако футболка с надписью «Clash» под темно-синим комбинезоном, кроваво-красные ботинки «Док Мартенс» и ежик обесцвеченных волос говорили скорее об увлечении панк-роком или чем-то вроде этого.

Юноша поднял обе руки. Девушка с ножом была, во-первых, очень молода, не старше его самого, а ему было всего девятнадцать; во-вторых, почти наверняка не из дегустаторов, как Фрэнк Трингли; и, в-третьих, не из тех девиц, с какими обычно проводят досуг криминальные авторитеты.

– Что... что ты сделал с дядей Фрэнком?

– Он тебе не дядя.

Парень шагнул вперед, но остановился, когда девушка выразительно повела ножом.

– Да, нет, но... стой там! Не двигайся! Я звоню в полицию.

– В полицию? В смысле Чарли Бентону, Бену Кривоносу или другому симпатичному другу Фрэнка?

– В полицию – в смысле в полицию, – отрезала девушка и боком двинулась к телефону, стоящему на буфете.

«Неожиданная штучка для Фрэнка Трингли», – подумал Мерлин. Антиквариат, настоящий ар-деко 1930-х: слоновая кость, золотая инкрустация, гладкий шнур, небольшой размер, изящество линий.

– А ты сама кто такая? Нет, давай звони. Только учти, у нас осталось минут пять... нет, уже меньше...

Он умолк, и в его левой руке вдруг оказался здоровенный револьвер, который, как выяснилось, был спрятан в расписной хипповской торбе из шерсти яка, висевшей на правом плече юноши. В тот же миг на лестнице что-то застучало – шаги, но какие-то ненормальные. Девушка обернулась и увидела жука размером с небольшого пони, который поднимался по лестнице. Тут парень с револьвером шагнул вперед и трижды – бах! бах! бах! – выстрелил жуку в переднюю часть тела; куски хитина и капли черной крови брызнули на белый обюссонский ковер. Жук продолжал наступать, его суставчатые задние лапы скребли по полу, а серповидные передние цепляли воздух в паре дюймов от ноги парня, который выпустил еще три пули, после чего жук наконец опрокинулся на спину и судорожно завертелся.

Когда эхо выстрелов стихло и девушка осознала, что визжит во всю мочь, она тут же покончила с этим занятием, признав его бесполезным.

– Что... это такое?

– *Pediculus humanus capitis*. Вошь человеческая обыкновенная, – перевел юноша, заряжая револьвер, для чего ему пришлось задрать жилетку, под которой оказался холщовый патронташ. – Увеличенная, конечно. А теперь нам пора. Я Мерлин, кстати.

– Мерлин – как маг?

– Как Мерлин-волшебник. А ты кто?

– Сьюзен, – машинально ответила она и перевела взгляд с огромной вши, которая еще дрыгалась на ковре, на бледно-голубой халат с кучкой красноватого праха на кушетке. На халате была монограмма «ФТ» – ответ на вопрос, кем этот прах был при жизни.

– Что здесь, черт возьми, происходит?

– Некогда объяснять, – сказал Мерлин, шагнул к окну и поднял раму.

– Почему? – спросила Сьюзен.

– Потому что нам обоим конец, если мы будем торчать тут и дальше. Пошли.

И он шагнул через подоконник.

Сьюзен бросила взгляд на телефон: может быть, все же позвонить в полицию? Но оказалось, что думать девушка умеет так же стремительно, как и ходить: через секунду решение было принято, и она вылезла вслед за юношей в окно.

Глава 2

Книг леворуких продавцов

Во мраке леса увидала.

Чем заняты среди кустов?

– Ах, что за дело мне! – сказала.

Окно выходило на крышу оранжереи, которая тянулась от задней стены дома до ограды. За оградой темнел Хайгейт-Вуд. По металлическому коньку оранжереи уже шел Мерлин, ловкий, как кот, даром что на каблуках. Плоский конек шириной с человеческую руку справа и слева переходил в стеклянные скаты. Но юноша не смотрел по сторонам, хотя первый же неверный шаг наверняка стал бы для него смертельным.

Сьюзен нерешительно оглянулась. На полу еще агонизировала чудовищная вошь, но на этом события в доме явно не закончились: с лестницы в комнату вливался туман. Хотя он больше походил на дым, очень густой и черный, но двигался слишком медленно и совсем не пах гарью. В общем, что бы это ни было, дым или туман, Сьюзен поняла: делать ему в доме нечего, а значит, добра от него не жди. Она вздрогнула, встала на подоконнике на четвереньки и так, на карачках, полезла вниз.

– На лестнице какой-то черный туман, – выдохнула она, доползая до другого края. Там уже стоял Мерлин, но едва слова сорвались с ее губ, как он сиганул вперед и вниз, на ветку старого дуба, нависшую прямо над изгородью.

– Как ты не падаешь на таких каблучках? – поразилась Сьюзен.

– Привычка, – отреагировал Мерлин и ухватился правой рукой за ветку у себя над головой, а левую протянул Сьюзен. – Прыгай!

Она оглянулась. Станный туман, необычайно густой и темный, уже клубился в оконном проеме. Мало того, одна его прядь перевалилась через подоконник и черным щупальцем тянулась к ней...

Сьюзен прыгнула. Мерлин подался вперед, чтобы поймать ее, но она уже стояла рядом с ним на ветке, для равновесия обхватив ствол.

– Вниз! – скомандовал Мерлин и легко скользнул по стволу. – Быстрее!

Сьюзен последовала за ним, но, когда до земли осталось каких-то пять футов, спрыгнула на ковер из прошлогодней листвы. Под подошвами ее мартенсов смачно чавкнуло. Весь день лило как из ведра, дождь унялся только к вечеру. Было уже за полночь, но водяная взвесь еще висела в воздухе.

В лесу оказалось темно. Уличные фонари остались за домом, на Ланчестер-роуд, а здесь мрак лишь немного разбавлял свет из окон особняка.

Черный туман стлался над оранжереей, накрыв двускатную крышу. Он пластался и вытягивался, сливаясь с ночью там, куда не доставал свет из окон и с улицы.

– Что это?

– Потом объясню, – сказал Мерлин. – А сейчас за мной. Надо найти древний прямой путь.

И он почти рысцой пустился вперед, петляя между деревьями. Сьюзен пошла за ним, выставив перед собой руки, чтобы по лицу не хлестнула случайная ветка или гибкий молодой ствол. Идти приходилось почти вслепую. Мерлин тенью маячил впереди; девушке оставалось лишь надеяться, что он видит дорогу, и спешить следом за ним.

Немного погодя она чуть не столкнулась с Мерлином: тот вдруг остановился, помешкал, взглянул налево, направо и наконец поднял голову к небу, где сквозь разрывы в облаках кое-где виднелись звезды.

– Туда! Скорее!

И он побежал. Сьюзен изо всех сил старалась не отставать. Страх врезаться во что-нибудь и убиться насмерть уступал только страху перед черным туманом, который все так же преследовал их по пятам и даже стал еще проворнее в темноте, протягивая свои щупальца то с одной стороны, то с другой, на шаривая их во мраке...

Мерлин остановился.

– Мы его нашли, – сказал он. – Теперь можно не торопиться. Держись ближе ко мне и не сходи с пути.

– Я же его не вижу! – возмутилась Сьюзен.

– Просто иди за мной шаг в шаг, – сказал Мерлин и медленно двинулся вперед.

Небо в этой части леса оказалось светлее, да и деревья росли не так близко к тропе.

Девушка обернулась и стала смотреть назад, пошире раскрыв глаза, чтобы разглядеть хоть что-нибудь.

– Этот туман... – прошептала она. – Мне кажется, он ползет за нами.

– Ползет, – подтвердил Мерлин. – Но пока у нас под ногами путь, он нас не тронет.

– Почему?

– Потому что он тоже древний и повинуется древним законам, – ответил Мерлин. – К тому же бояться следует не столько тумана, сколько того, что он прячет, то есть водяного.

– Какого еще водяного?

– Туман – всего лишь сопутствующий эффект, – продолжил объяснять Мерлин. – Он отвлекает, сбивает с толку, а еще он необходим той сущности, что движется внутри его, то есть водяному. Хотя, бывает, его зовут иначе.

И он еще больше замедлил шаг, внимательно глядя под ноги. Тропа вдруг сделала резкий поворот, а впереди выступили из темноты стволы молодых буков.

– Новая тропа не совпадает с древним прямым путем. Придется идти назад.

– Как назад?

– Так. Сначала назад, потом опять вперед, и так туда-сюда до самого рассвета, если придется.

– Но там же... этот... водяной...

– Пока мы на древнем пути, он нас не тронет, – напомнил Мерлин. – Поворот! За край не заступать!

Сьюзен осторожно повернулась на месте и медленно пошла назад, туда, откуда они только что пришли, старательно ставя ноги ровно посередине тропинки.

– Я ничего не вижу, – шепнула она через несколько шагов.

Под подошвами шуршало, а не чавкало – значит, они шли по мелкому гравия, а не по мокрой прошлогодней листве. И все равно оступиться в кромешной тьме было легче легкого.

– Если не возражаешь, я положу руки тебе на плечи и буду направлять твои шаги, – предложил Мерлин. – Вот так, не спеши. Все будет хорошо.

Его ладони легли на плечи Сьюзен. Прикосновение было совсем легким, но очень необычным: тепло левой руки Мерлина она ощущала так, словно между его и ее кожей не было ни перчатки, ни бретельки ее комбинезона, ни футболки. Казалось, внутри дорогой перчатки спрятан нагревательный элемент. Горячей ладонью юноша легко нажал на плечо Сьюзен, подталкивая ее вправо.

– В этом есть и плюс, – сказал Мерлин, когда они прошли шагов тридцать или сорок. – Теперь, когда на нас спустился водяной, сюда никто не сунется.

– Почему?

– Он плохо отличает своих от чужих, – ответил Мерлин. – Остается надеяться, что дневной дождь распугал всех любителей лесных прогулок. А ну-ка, погоди. Черт! Тропа опять поворачивает, а впереди деревья. Нельзя было, что ли, проложить ее прямо? Стоп! Снова разворот.

Пока они разворачивались, Сьюзен поняла: ее кое-что тревожит. В смысле, еще кое-что, кроме таинственного превращения «дядюшки» Фрэнка в горстку песка и появления в доме сначала гигантской вши, а затем черного тумана.

– Я не слышу машин. Или поездов. И вообще ничего, кроме наших шагов. Почему здесь так тихо?

– Сейчас два часа ночи.

– Брось. Я, конечно, деревенская, но в Лондоне бывала и раньше.

– Деревенская, говоришь? А из какой деревни?

– С Запада. Между Батом и Чиппенхемом. Отвечай на вопрос, не увиливай.

– Думаю, тишина наступила оттого, что туман взял нас в кольцо и в этом кольце бродит водяной. Кстати, он наверняка попытается напугать нас, чтобы сбить с пути. Так что будь готова. Положи руки мне на плечи и не отходи ни на шаг.

Они шли назад. Тишину нарушали хруст гравия и мелких веток под кубинскими каблуками ложно-аллигаторовых сапог и толстенными подошвами мартенсов да еще учащенное дыхание Сьюзен – ей было страшно.

– Луна выходит из-за туч, – заметил Мерлин.

– Это хорошо? – спросила девушка.

– Не всегда. Но для нас неплохо. Новая луна – друг всего юного, в особенности юных людей. Да и тропу будет лучше видно.

Тропу и впрямь стало видно лучше некуда. Смесь гравия, прошлогодней листвы и свежей грязи не просто отразила бледный свет луны, но прямо-таки вспыхнула в его рассеянных лучах.

Зато туман из-за света как будто сгустился, обрел дополнительную плотность. Непроницаемая черная стена обступила тропу со всех сторон, сделав ее похожей на темный городской тупик, куда пешеходу лучше не соваться. Правда, внутри этой стены, в отличие от городских, каменных, не прекращалось какое-то кипение: черные прядки тумана вытягивались из нее, утолщались, но, едва коснувшись края тропы, торопливо отдергивались.

Еще через несколько шагов Сьюзен наморщила нос, почувствовав, как к горлу подступает тошнота.

– Какой ужасный запах, – прошептала она. – Тухлятиной воняет... и канализацией...

– Это водяной, – беззаботно-звонко ответил Мерлин. – Наверное, его вызвали из реки Флит, куда раньше выбрасывали требуху и сливали кровь мясники со Смитфилдского рынка. Неудивительно, что он терпеть не может людей, ведь они осквернили его реку. Не оглядывайся. Он идет за нами, справа.

Вонь усилилась; волоски на затылке Сьюзен стали дыбом, а лопатки напряглись так, словно в спину между ними уперся неимоверно острый клык, дожидаясь только команды, чтобы вонзиться в плоть.

– Сыграем в двадцать вопросов? – спокойно предложил Мерлин. – Отвлечемся от... всякой всячины.

– Меня бесит, когда надо говорить только «да» или «нет», – сказала Сьюзен, делая над собой усилие, чтобы голос звучал нормально. Всем своим телом, вплоть до кончиков волос, она ощущала присутствие за спиной громадной твари, чье смрадное дыхание отравляло воздух вокруг них. – Может, ты лучше ответишь на кое-какие мои вопросы?

– Ладно, – согласился Мерлин. – Только нам скоро поворачивать. Не смотри вперед. Если вдруг увидишь водяного, отводи взгляд.

– Ясно, – ответила Сьюзен. – Послушай, а если ты задашь мне вопрос и я отвечу, а потом ты решишь, что я слишком много знаю, ты меня убьешь?

– Ты и так уже слишком много знаешь, – сказал Мерлин. – Но я тебе не враг. Как и все наши. Хотя, боюсь, твоя жизнь уже никогда не будет прежней.

– Ой! – выдохнула Сьюзен.

– Но это, может, и к лучшему, – осторожно заметил Мерлин. – Зависит от того, какие отношения были у тебя с «дядюшкой» Фрэнком. Так, а сейчас глазки вниз, поворот.

Сьюзен честно пыталась не отрывать глаз от земли, но боковым зрением все же заметила в тумане нечто страшное: огромную, уродливую, раскоряченную тварь с глазами как открытые раны, с раззявленным ртом, из которого тянулись струйки слюны...

– Не смотри на него! Шагай!

– Да-да, – поспешно сказала Сьюзен и зажмурилась.

– Все, отстал. На тропе он нас и вправду не тронет, – заверил девушку Мерлин. – Давай представим, что мы с тобой встретились... э-э-э... где-нибудь и теперь просто болтаем. Так что ты делала в доме Фрэнка?

– Фрэнк дружил с моей мамой много лет назад, – сказала Сьюзен и приоткрыла глаза – самую малость, чтобы только видеть тропу сквозь ресницы. – Раньше я думала, что он был ее парнем... на Рождество я всегда получала от него подарки с подписью «дядя Фрэнк». Но его самого впервые увидела, только когда приехала в Лондон. Сегодня. То есть вчера. И сразу поняла, что ошиблась. В смысле, что зря к нему пришла. Я уже хотела смыться по-тихому, когда появился ты... Кстати, а что ты с ним сделал? И почему?

– Ну, опуская многочисленные подробности, отвечу так: я прикоснулся к нему серебряным предметом с нанесенным на него уничтожающим заклятием Соломона. Безопасным для смертных... в смысле людей... но Фрэнк был не человек, а дегустатор. Он пил кровь...

– Вампир!

– Нет, их не существует, хотя дегустаторы, несомненно, стали поводом для возникновения этой легенды. Они на самом деле кусают, но только в запястье или в лодыжку, никогда не в шею, потому что их цель не в том, чтобы убить. Они проделывают в коже отверстие, совсем крохотное, а когда из него выступает кровь, слизывают ее по капле. Никаких острых клыков, полых внутри, никаких рек крови. Дегустаторы лижут, как кошки, острыми треугольными языками. Эти языки их и выдают среди прочего.

– А ты, значит, охотишься на них и убиваешь?

Мерлин вздохнул:

– Нет. Обычно мы их не трогаем, если они ведут себя прилично. Вообще-то, дегустаторы есть даже среди наших... один в бухгалтерии... другой... э-э-э... в госпитале. Их слюна обладает замечательными лечебными свойствами.

– Тогда зачем ты ткнул Фрэнка шляпной булавкой?

– Как ты поняла, что это именно она?

– Я изучаю искусство. В том числе ювелирное, хотя моя специальность – рисунки по ткани. Точнее, это будет моей специальностью, когда начнется семестр. Вот почему я ищу отца сейчас: у меня есть время, три свободных месяца, а потом надо будет впрягаться и пахать, как выражается миссис Лоренс.

– Кто это – миссис Лоренс?

– Она учила меня рисованию, когда я была в выпускном классе. Благодаря ей я поступила, и она говорит, что это редкий шанс, который нельзя профукать.

– Вот как? И куда же ты поступила? Осторожно, поворот.

– В училище Слейда.

– Значит, ты талантливая.

– Говорят, что мои гравюры ничего. А еще я по-настоящему умею рисовать. Хотя сейчас это не в моде. Рисовать, в смысле.

– Приятно, наверное, делать что-то руками. Поворот.

Они повернули, и Сьюзен опять едва поборола тошноту, когда на них надвинулось облако тухлой вони, но в то же время поняла, что за разговором действительно расслабилась и даже почти успокоилась. Она выпалила первый вопрос, который пришел ей в голову:

– Если на тропе нам ничего не угрожает, может быть, присядем?

– Нет, – сказал Мерлин. – Тропа остается истинным путем лишь до тех пор, пока по ней идут. Если мы сядем или просто остановимся, она сожмется до клочка земли под нашими ногами и нас обступит туман, из которого выйдет водяной.

– Ясно, – сказала Сьюзен. – А ты что, волшебник?

– Нет, я книготорговец.

– Кто?!

– Книготорговец. Продаю книги. Вернее, принимаю товар, распаковываю, расставляю по полкам. Продажами занимаются другие, обычно праворукие.

– Праворукие?

– Это семейный бизнес. Вернее, клановый. Мы все либо правши, либо левши. Хотя иногда мы меняемся. «Книги – одним, крючья – другим», как у нас говорят.

И он поднял руку в перчатке, которая показалась Сьюзен особенно темной в лунном свете.

– Я, как ты видишь, принадлежу к леворукой части нашего племени.

– Но что все это значит? При чем тут крючья?

– Честно говоря, я сам толком не знаю. Крючья вообще не наше оружие. Шпаги, кинжалы, булавки для шляп – это да, сколько угодно. Хотя леворукие Сен-Жаки...

– Что такое санжаки?

– Сен-Жаки. Фамилия такая, французская. Хотя мы не французы, да и фамилия не наша, но нас назвала так Елизавета, которая Первая. Королева ошиблась, а прозвище пристало. Короче, мы, леворукие, в основном заняты делом – ну, бегаем, деремся, все такое. А крючья – это, наверное, из семнадцатого века, когда немало наших расстались с жизнью на крючьях... их тогда подвешивали за ребра все, кому было не лень – и кавалеры, и железнобокие.

– Но что все-таки происходит... какие-то дегустаторы... водяной... *в чем дело?* – почти завизжала Сьюзен, но справилась с собой. Странная смесь изумления и паники бродила внутри нее, грозя в любую минуту выплеснуться наружу.

– Я понимаю, ты сейчас в шоке. Но если хочешь жить, держи себя в руках и держись поближе ко мне. Как бы тебе объяснить? Понимаешь, мир, каким ты его знаешь, «нормальный» человеческий мир – это лишь верхний слой палимпсеста: так называют многократно записанный пергамент...

– Я знаю, что такое палимпест... палимсест... Короче, я знаю, что это такое, хотя и не могу выговорить.

– Ну вот, тогда тебе понятно, что под слоем обыденной человеческой жизни лежит другой слой, Древний, и при определенных условиях или в определенное время этот Древний слой побеждает, то есть его элементы прорываются в обыденный мир и начинают главенствовать в нем. А еще есть такие... среды и сущности, или индивиды, которые обитают сразу в нескольких временных пластах либо потому, что такова их природа, либо благодаря вмешательству того, что ты, наверное, назвала бы магией. К таким индивидам относимся мы, книготорговцы, и левши, и правши, причем по ряду причин на нас возложены... так сказать, надзорные функции... мы регулируем взаимодействие обитателей глубинных слоев нашего палимпсеста, известных как Древний мир, с теми, кто населяет Новый мир, то есть обычный человеческий, который вы, люди, трогательно именуете «реальностью».

– Но при чем тут торговля книгами?

– Жить ведь как-то надо.

– Что?!

– Большинство слоев Древнего мира давно изолировано от повседневности, а населяющие их сущности прочно привязаны к своим мирам – по крайней мере, те, которые не хотят или не умеют вести себя прилично. Так что наше вмешательство почти не требуется. Вот почему

в свободное от основной работы время мы продаем книги. Хотя, конечно, есть и другие причины; в общем, все непросто... Готова к повороту?

– Что? А, да... конечно.

И они снова повернули на сто восемьдесят градусов. Правда, на этот раз Сьюзен не стала закрывать глаза, а просто глядела себе под ноги. Судя по канализационной вони, которой ее обдало при повороте, водяной был совсем близко, но это ее уже не тревожило так, как раньше. Уверенный голос Мерлина, его разговорные интонации, а также размеренное хождение туда-сюда победили страх.

– Знаешь, у меня есть еще вопрос, – начала она. – Только он может оказаться слишком личным...

– Все мы люди, – ответил Мерлин. – И я обычный мужчина – во всяком случае сейчас.

– Что значит – сейчас?

– Мы обладаем склонностью... к перемене форм... наверное, это можно так назвать, – ответил Мерлин. – Я, например, родился мальчиком, однако много размышляю о перемене сущности.

Сьюзен помолчала, переваривая услышанное.

– Для вас это так просто?

– О нет, совсем не просто, – сказал Мерлин. – Но проще, чем...

Его слова прервал пронзительный гудок где-то совсем рядом, в чаще. Но это был не сигнал автомобиля, что было бы вполне естественно в городе, а долгий, протяжный рев, будто кто-то поднес к губам старинный охотничий рог и дунул.

– Что это?

– Сигнал водяному убираться туда, откуда пришел, – сказал Мерлин и заметно напрягся: его плечи словно окаменели. – Значит, туман скоро рассеется. Странно, до восхода солнца еще несколько часов. Непонятно, кто принял такое решение. Знать бы еще, кто его вызвал. Уж наверняка не Трингли.

– И что нам делать?

– Продолжать ходить, а еще готовиться бежать, как только откроется новая тропа. Слышишь? Туман рассеивается.

Возвращались городские звуки – размеренно гудели моторы на проезжей части, где-то вдалеке стучал поезд, доносились обрывки разговоров. А еще вокруг стало светлее, особенно со стороны Ланчестер-роуд, где между деревьями то и дело мелькали синие вспышки.

– Полиция!

– Да, у дома «дядюшки» Фрэнка. Наверное, кто-то все же сообщил им о выстрелах, – сказал Мерлин, повернул голову влево, потом вправо и наконец взглянул на кроны деревьев. – Хоть бы полицейские не спешили, ради их же блага. Правда, водяной ушел. Приготовься...

Вдруг он изо всех сил толкнул Сьюзен на землю. Рядом что-то свистнуло. Сьюзен подняла голову и увидела, как Мерлин левой рукой выхватил из воздуха какой-то предмет, а правой снова придавил ее к земле. Она вырвалась, откатилась и хотела сесть, но передумала – красная стрела с белым оперением мелькнула в паре дюймов от ее лица и загудела, воткнувшись в древесный ствол.

Тем временем Мерлин отбил левой рукой третью стрелу и изогнулся, точно танцор, увертываясь от четвертой. Но от пятой уйти не удалось – та впиалась в тело с таким противным треском, что Сьюзен поняла: этот звук она обречена слышать до конца дней. Стремительно повернувшись, Мерлин упал на одно колено, сумка-торба из шерсти яка свалилась с его плеча. Сьюзен, не думая ни о чем, поползла к ней: она помнила, что в сумке есть револьвер, и теперь хотела лишь одного – достать его и начать палить туда, откуда летели стрелы.

Но оказалось, что Мерлин упал не просто так – он сделал это намеренно, чтобы, задрав штанину, вытащить из кобуры на лодыжке маленький автоматический пистолет. Нажимая на

спусковой крючок правой рукой, левой он продолжал отбиваться от стрел, которые летели в него и Сьюзен.

Автоматический пистолет стрелял куда тише револьвера, который девушка все еще пыталась извлечь из сумки. Звуки походили на собачье «гав-гав», хотя ни одна собака не могла бы лаять так часто, как нажимал на курок Мерлин – восемь пуль вылетели из ствола одна за другой с такой скоростью, что вспышки почти слились воедино. После пятой поток стрел прекратился.

Сьюзен наконец вытащила револьвер из сумки и теперь держала его перед собой на вытянутых руках. Ей доводилось стрелять из ружья, а еще она была вполне сносной лучницей, но вот с короткоствольным оружием дела до сих пор не имела. Хотя, кажется, в нем не было ничего сложного.

– Нет... нет... положи, – сказал Мерлин, привалившись спиной к стволу, и сжал пальцами левой руки стрелу, которая торчала из его тела. – Полиция... будет здесь... скоро... из дома...

– Кто послал эти стрелы?

– Страж Род Альфара... наверное, его разбудил водяной... это вторжение. Вот почему его... отозвали... надо было... подумать... про Род Альфара... умиловать дарами...

– Ты убил... э-э-э... стража?

– Нет... выстрелы... отпугивают их. Иногда. Механические звуки...

Сьюзен положила револьвер на сумку – на всякий случай – и подползла к Мерлину. В свете луны она увидела оперенное древко, торчавшее из груди юноши, чуть ниже ключицы. Рубашка и горчичного цвета пиджак уже пропитались кровью. Впервые оказавшись с ним лицом к лицу, Сьюзен решила, что он чертовски хорош собой, но времени думать об этом не было – слишком он побледнел и дышал неглубоко и часто.

– Мне нужна... твоя... помощь. Серебряный флакон... в левом кармане жи... лета... достань... так... открой... набери в рот, не глотай... да, знаю... держи... Я сейчас сломаю стрелу и вытолкну обломок. Как только я сделаю это, сплюнешь в рану...

Содержимое флакона было ужасно гадким на вкус, но Сьюзен послушно держала жидкость во рту, по очереди надувая щеки. Мерлин левой рукой легко переломил тонкое древко стрелы и охнул, лицо его исказила гримаса. Когда он, затаив дыхание, начал выталкивать обломок стрелы, в глазах у него встали слезы.

– Вытащи... вытащи его... и плюй... – прошептал он, потерял сознание и повалился на Сьюзен. Из его спины торчала стрела с наконечником.

Сьюзен ладонью закрыла себе рот, чтобы не вскрикнуть. Потом, старательно удерживая драгоценную жидкость, вынула обе половинки стрелы из раны, одну спереди, другую сзади, отбросила их, склонилась над раненым и открыла рот. Оттуда потекло зеленовато-голубое пламя, какое бывает, когда на рождественском пудинге горит бренди, только без тепла. Его холодные языки лизнули края дырки в пиджаке и утекли в рану.

Девушка села на пятки и вытерла рот ладонью. Слюна была обычной, не светящейся. Неизвестно, помогла странная жидкость Мерлину или нет, но в сознание он не пришел. Сьюзен осторожно перевернула его на спину и стала снимать с него пиджак. Потом оторвала от пиджака карман и, свернув его подушечкой, приложила эту подушечку к выходному отверстию на спине, а входное под ключицей зажала ладонью.

В темноте было непонятно, но ей все же показалось, что кровь еще идет и Мерлин не дышит.

Она склонилась к нему в надежде различить дыхание, но не смогла – помешали тяжелые шаги у нее за спиной. Широкий белый конус фонарного света упал на нее сзади, и Мерлина накрыла ее тень.

– Стоять! Полиция! Руки вверх!

Глава 3

*Ни один на свете маг
Не узнает в жизни, как
Колдовство творит Сен-Жак —
Он секрета не раскроет, наши остряк.*

Полчаса спустя Сьюзен уже сидела под жестким светом флюоресцирующих ламп в комнате для допросов полицейского участка Хайгейт, куда ее доставил возбужденный констебль, арестовавший девушку по подозрению в убийстве. Правда, уже через пять минут после ареста пассивно-агрессивный сержант заявил ей, что его подчиненный погорячился, но, раз дело сделано, придется соблюсти все формальности, а это, разумеется, тоже вина Сьюзен. Хорошо, что с нее хотя бы сняли наручники, прежде чем вести в участок, где сразу дали умыться, а потом предложили чая с печеньем.

Причиной столь решительной, хотя и непонятной перемены в ее статусе был Мерлин. Она поняла это из отрывочных фраз, которыми сержант обменялся с подчиненными, когда, нащарив в кармане элегантного пиджака юноши черный кожаный бумажник, раскрыл его, взглянул на документы, тут же схватился за рацию и потребовал соединить его с начальством.

– Привет, как дела? Все в норме? Может, еще чая? Печенье?

В приоткрытую дверь просунулась голова констебля – того самого, который совсем недавно так рьяно арестовывал Сьюзен. Это был рослый молодой мужчина лет двадцати пяти, брюнет, но со светлыми усами. В состоянии покоя его лицо ничем не напоминало ту маску взвинченного испуга, которую Сьюзен видела поверх «смит-вессона», когда полицейский приказал ей сначала поднять руки, потом отползти на коленях от Мерлина и наконец заложить руки за спину, где его напарник тут же защелкнул на них наручники. После этого всем сразу стало как-то спокойнее.

– Порядок, – ответила Сьюзен. – Только не пойму, в чем дело. Арестована я или нет?

Констебль покраснел:

– Нет, извини, я поспешил. Мы сейчас ждем инспектора Грин. Инспектор поговорит с тобой и отпустит.

– Инспектор Грин?

– Спецотдел. Ты ведь из Ложи пятьсот, да? Работаете в паре?

– Я не... – начала Сьюзен, но тут же замолчала – до ее усталых мозгов дошло, что «поговорит с тобой и отпустит» звучит куда лучше, чем «вы арестованы за убийство». – Э-э-э... а я могу забрать свой рюкзак из дома Фрэнка Трингли?

– Сейчас поговорю с местными парнями. Я не здешний, я из Д-одиннадцать.

Он произнес это с гордостью, как будто имел в виду что-то особенное. Сьюзен не сразу поняла, что он просто хотел произвести на нее впечатление, заигрывал.

– Кстати, об оружии. Этот твой «смитон триста пятьдесят семь» – зверюга! – Он присвистнул. – Я таких в глаза не видел, но сержант Боуэн его признал. Отличный выбор. Хотя малышка «беретта» тоже хоть куда, мисс, слова о ней плохого не скажу. К тому же легко спрятать.

– Ага, точно, – вяло поддакнула Сьюзен.

Она вдруг почувствовала, что невероятно устала, и взглянула на часы – новомодную пластиковую чепуховину под названием «свотч», которую подарила ей мать перед отъездом. Чепуховина показывала без нескольких минут шесть: на улице, наверное, только рассвело.

– В общем, будет что-нибудь нужно, стучи, – сказал констебль. – Извини, конечно, что приходится держать тебя здесь, но, как говорится, с глаз долой – из сердца вон, верно?

– Ага, – ответила Сьюзен и, опустив голову на сплетенные на столе руки, заснула.

* * *

Инспектор Грин оказалась женщиной. Сьюзен почему-то удивилась, и зря – на дворе как-никак тысяча девятьсот восемьдесят третий. Однако столичная полиция, в отличие от провинциальной, еще со времени послевоенных радикальных реформ правительства Клементины Эттли¹ держалась старых порядков и противилась равенству полов. Парадоксально, но нынешний премьер Маргарет Тэтчер, вторая в британской истории женщина, возглавившая правительство, с присущим ей истовым консерватизмом вела наступление на завоевания правительства Эттли и других лейбористских правительств на всех фронтах, а закон о равных возможностях вообще был одной из ее любимых мишеней.

Сьюзен, как и почти все, кто не достиг тридцати лет и не был банкиром или природным лордом, не любила Тэтчер и ее правительство. Прошлогодняя война за Фолкленды довела нелюбовь молодежи к премьер-министру до состояния, близкого к ненависти, зато среди людей старшего поколения популярность Тэтчер взлетела практически до небес, так что теперь Сьюзен, как и многие в ее окружении, с дурным предчувствием ждала итогов последних выборов, подведение которых ожидалось через несколько недель, – первых активных выборов в ее жизни. Она уже отправила свой бюллетень по почте, проголосовав за кандидата от социал-демократов, хотя почти не сомневалась, что голоса большинства избирателей Бата достанутся консерватору Крису Паттену.

Если верить часам Сьюзен, она проспала не меньше часа, когда ее бесцеремонно встряхнула за плечо инспектор Грин. На вид ей было лет тридцать, выглядела она круто и была одета как сержант Картер из «Суини» – из телешоу, а не из настоящей Летучей Бригады: кожаная куртка, рубашка и джинсы. Она даже походила немного на Дениз Уотерман – или походила бы, будь та индианкой.

– Мисс Аркшо... Пора ехать.

– Куда? – пробормотала Сьюзен спросонья. – А вы кто?

– Мира Грин, инспектор Особого отдела. Курирую связи с твоими друзьями-книготорговцами.

– Э-э-э... они не... а-а... Мерлин в порядке?

– Думаю, да, – ответила Грин. – Полчаса назад его забрали из больницы Уиттингтона. Так что не беспокойся. Леворукие – они крепкие. Но ты и так это знаешь.

– Э-э-э... нет, – ответила Сьюзен. – Я впервые увидела Мерлина вчера вечером, и то случайно. Так что я ничего не знаю.

– Да нет, ты уже знаешь больше, чем стоило бы, – возразила Грин. – Но тебе повезло – с книготорговцами официально придерживаются такой неофициальной линии: чем меньше о них знают и, упаси бог, пишут, тем лучше. Мы в полиции делаем вид, что они – разведка, и просто заметаем следы, будто так и надо. – Она повертела на пальце ключи от автомобиля и спросила: – Так куда тебя отвезти?

– Отвезти? Э-э-э... Мне надо забрать рюкзак из...

– Уже в машине. Может быть, на вокзал Паддингтон, а оттуда поездом в Бат? Билет за наш счет. Поезжай домой, к маме, пока все не успокоится.

Предложение показалось Сьюзен соблазнительным. До начала семестра еще три месяца, место в студенческом общежитии освободится дня за два, за три, так что жить ей все равно негде, да и не на что.

¹ Автор иронически обыгрывает имя и фамилию премьер-министра Клементы Эттли, возглавлявшего правительство лейбористов (1945–1951).

Но ведь она не просто так приехала в Лондон: у нее есть цель, и хотя первые шаги к цели завели ее куда-то не туда – первый блин, можно сказать, вышел комом, – сдаваться она не намерена.

– Нет, спасибо, – вежливо отказалась она. – Я найду себе местечко тут. Сниму койку в молодежном хостеле, к примеру. Или комнату в дешевом отеле... очень дешевом. И буду искать работу. В пабе, например. Мне уже исполнилось восемнадцать.

Грин устремила на нее суровый и пронзительный взгляд. Она явно хотела показать, что не только одевается в стиле «Суини», но и разделяет пристрастие создателей этого шоу к допросам с пристрастием, – короче, она не из тех, кому можно безнаказанно перечить.

– Лучше тебе покинуть Лондон. Дома ты тоже не будешь в полной безопасности, но все же это надежнее.

– В каком смысле?

Грин захлопнула дверь и села на стол.

– Ты была в Древнем мире. Твари Древнего мира видели тебя и запомнили, – медленно и отчетливо начала она. – Значит, в ближайшее время либо ты окажешься там снова, либо Древний мир сам придет к тебе. Твое спасение в том, что там новости передаются не так быстро. Между Хайгейт-Вуд и сущностью, обитающей в одном из природных водоемов Бата и его окрестностей, немало... преград. По крайней мере, так мне объясняли книготорговцы, сама-то я в этом не шарю. Так что езжай-ка домой, там с тобой ничего не случится еще несколько лет, а может, и дольше. Останешься здесь – будешь ходить по краю пропасти.

– Я останусь, – сказала Сьюзен. – У меня здесь дело.

Грин пристально посмотрела на Сьюзен, потом встала, обошла стол, подошла к девушке вплотную и нависла над ней.

– Хорошо. Но помни: прошлой ночью ничего не произошло. Совсем. Будешь болтать кому-нибудь, особенно журналистам, знай: тебя запрут в дурдом, а ключи потеряют и забудут, и это еще лучшее, что может с тобой случиться.

– Я так понимаю, это угроза, – медленно сказала Сьюзен. У нее уже был опыт арестов – они с матерью дважды участвовали в маршах протеста, организованных Кампанией за ядерное разоружение, и, хотя ни в первый, ни во второй раз конкретных обвинений им не предъявляли, теперь она понимала, к чему клонит инспектор. – Я свои права знаю...

– Да нет, ничего ты, как видно, не понимаешь, – перебила ее Грин. – Полиция тут ни при чем, законы тоже. Против того, о чем мы говорим, британская юстиция бессильна. Чтобы обезопасить нас от этого древнего дерьма – живых мифов, ходячих легенд и прочего в таком роде, – чтобы подчинить его и связать по рукам и ногам, нужны не статуты и парламентские акты, а клятвы, заклинания, ритуалы и обычаи. Но и они не вечны. Клятвы нарушаются, одни заклинания побеждаются другими, когда простые люди вдруг вспоминают о старом добром фольклоре и решают в него поиграть. И тут возникает мы – подавляем эти поползновения в зародыше, запрещаем людям даже думать о том, что фольклор реален. Обычно человека достаточно подержать в психушке, подлечить, внушить ему, что он ненадолго спятил, и все в порядке. Но ты – другое дело, ты уже знаешь слишком много. Придется передать тебя книготорговцам из рук в руки.

– Звучит не так уж и...

– Смертная казнь в Британии отменена, но на книготорговцев это не распространяется. У них свое право, – тускло сказала Грин. – Те, кто слишком глубоко увяз в этом дерьме, попадая к ним в руки, исчезают бесследно.

В комнате повисло молчание, только назойливо гудели потолочные лампы.

– Ладно, будем считать, я все поняла... в смысле поняла, что кое-чего мне понимать не положено, – осторожно предложила Сьюзен. – Я знаю, что прошлой ночью я уцелела лишь по счастливой случайности. И не собираюсь никому рассказывать об этом.

– Вот и хорошо. Умница. Ты поможешь нам, а я помогу тебе. Есть один пансион – не то чтобы безопасный, но мы за ним присматриваем. Раз уж ты твердо решила остаться в Лондоне, поживи пока там, а потом переедешь в общежитие. Расходы оплатит правительство ее величества. Это Айлингтон, так что ко всему близко.

– Вы знаете, что я поступила в училище Слейда?

– Смею предположить, что мы знаем о тебе все, – ответила Грин. – С тех пор как мне позвонили и сказали, что «один ваш агент из МИ-пять» устроил погром в зеленой зоне Северного Лондона, я приказала пятерым нашим ребятам искать сведения о тебе. Хотя, может, кое-что они все же упустили. Такова природа вещей, и именно поэтому я настоятельно рекомендую тебе пожить в Айлингтоне у миссис Лондон. Пока мы не убедимся, что знаем всю твою подноготную.

– Миссис Лондон?

– Вот именно. Настоящая, между прочим, фамилия, хотя родом она из Глазго. Как ее сюда занесло, один Бог ведает. Так как, договорились?

– А что там за жилье?

– Обычный пансион – комната одна, но большая. В комнате газ, можно готовить, хотя миссис Лондон держит общий стол. Ванная на этаже, но постояльцев пока мало, так что соседей только двое, – сообщила Грин. – Да там вообще немногочленно, очередей в ванную не будет. Короче, лучшее, что ты можешь найти за свои деньги.

– Вы и в мой банковский счет залезли?

– Ну, я же сказала, пятеро наших ребят. Двести шестьдесят два фунта и пятьдесят пять пенсов по состоянию на вчерашний вечер. Твой банковский менеджер только огнем не плевался, когда мы разбудили его среди ночи из-за такой малости. Пришлось успокаивать – мол, на его имя послан запрос от заместителя комиссара полиции. В общем, двести пятьдесят фунтов с хвостиком – не та сумма, на которую можно жить припеваючи до самого начала семестра, так? А я тебе говорила, что у миссис Лондон бесплатные завтраки? Причем заметь, не барахло какое-нибудь вроде парочки «уитабиксов»² и чашки порошкового молока. Всякие жареные штучки, все по-честному.

Сьюзен вдруг поняла, что дико проголодалась. И неудивительно, со вчерашнего ланча у нее маковой росинки во рту не было, не считая двух печенюшек в участке. Правда, «дядюшка» Фрэнк приглашал ее обедать, но тогда она уже решила, что надо сматываться, и сказала больно. Хотя он был с ней очень мил, ей все же показалось, что лучше засесть у себя в комнате и запереть дверь.

– А чем занимался Фрэнк Трингли? – спросила она.

– А что тебе сказал книготорговец? – вопросом на вопрос ответила Грин.

– Нет, я не про то... что он... как это назвать... дегустатор... я имею в виду, он же преступник, – залепетала Сьюзен. – Я видела кое-кого из его... подручных... кажется. У него был обрез в пакете из «Сейнсбери». Он даже не прятал его, ствол торчал наружу.

– Почему же ты не ушла оттуда? Не сбежала? – спросила Грин. – Почему ты была у него в доме, когда все случилось?

– Я хотела расспросить Фрэнка о том, в каких отношениях он был с моей мамой, и узнать, с кем она тогда общалась, – промямлила Сьюзен. – Фрэнк обещал рассказать все утром и предложил мне свободную комнату на ночь; там можно было запереться изнутри и все такое. Идти мне все равно было некуда, а тот тип с обрезом ушел. Сам Фрэнк не казался мне страшным. То есть я, конечно, чувствовала, что он какой-то... не такой... но не то чтобы опасный. Потом я передумала и собралась бежать, но наверху началась заваруха... и я пошла посмотреть.

– Важные у тебя, видать, к нему были вопросы, – сказала Грин. – Отца, значит, ищешь?

² «Уитабикс» – пшеничный батончик из спрессованных хлопьев.

– А что, заметно? – огрызнулась Сьюзен. – Хотя это не ваше дело.

– Может, и не наше, – ответила Грин. – Но ты ведь сразу поняла, что это не Фрэнк.

– Да, я так подумала, – сказала Сьюзен и нахмурила лоб. – Сама не знаю почему...

– Потому что он был дегустатором, – сказала Грин. – Люди всегда инстинктивно чувствуют, что с ними что-то не так. Удобно для криминальных авторитетов – они пользуются этим, чтобы нагнать на людей страх.

– Но я все же подумала, что Фрэнк мог быть знаком с моим отцом, а значит, мог подсказать, где его искать. А в чем был замешан Фрэнк?

– Как обычно, – пожалала плечами Грин. – Сутенерство, наркотики, сбыт краденого. Всего помаленьку. В его подчинении, кстати, была обширная территория – от Себен-Систерс-роуд до Северной кольцевой.

– А почему Мерлин превратил его в пыль?

– Спроси чего полегче, – фыркнула Грин. – Мне откуда знать? Книготорговцы только ставят нас в известность о том, что кто-то... что-то... из Древнего мира досаждаст людям и что они сами разберутся. Особенно если в деле замешан еще и криминал.

– Но не в этот раз.

– Точно. Не в этот раз. Так ты готова?

– Да, – сказала Сьюзен.

– А эту историю забудь, – посоветовала Грин. – Как будто и не было ничего. Живи дальше.

– Постараюсь, – пообещала Сьюзен, когда они подходили к дверям.

– Но если начнет твориться какое-нибудь подозрительное дерьмо, звони, – добавила Грин и протянула визитку. – Первый номер – дежурный офицер, на связи круглые сутки, семь дней в неделю. Второй, от руки, мой домашний. Надеюсь, после того как мы с тобой расстанемся у миссис Лондон, тебя ждет долгая и счастливая нормальная жизнь. Но на всякий случай...

– О'кей, – сказала Сьюзен. – Только что вы называете подозрительным дерьмом?

За дверью переминался с ноги на ногу констебль со светлыми усами – похоже, хотел что-то сообщить. Но Грин, увидев его, скорчила такую мину, будто наступила в собачью какашку, тот развернулся и смылся.

– Сама поймешь, – сказала Грин тихо. – Поверь, такое ни с чем не спутаешь. Не исключено... вероятность, правда, невелика, но все же мои коллеги из криминальной полиции считают, что на тебя попытаются выйти дружки Фрэнка – тоже нечисть, но человеческая, уголовники. Кое-кто из них знает, что ты была в доме Фрэнка, когда он... э-э-э... скончался, скажем так. Но с ними проще – не шлейся по сомнительным кабакам и букмекерским конторам к северу от Холлоуэй, и все будет в порядке. Нормальные бандиты стараются держаться подальше от нечисти. Есть, правда, Культ Смерти, но... надеюсь, ты о них не узнаешь.

Сьюзен задумчиво кивнула. Ей вовсе не хотелось, чтобы в ее жизни появилось хоть что-то из того, о чем говорила Грин.

– А как насчет книготорговцев, хоть лево-, хоть праворуких?

– Они тоже должны оставить тебя в покое, – сказала Грин. – Только не ходи в их магазины.

– Так у них и правда есть магазины? – изумилась Сьюзен.

– В Лондоне два. Большой на Чаринг-Кросс-роуд, для новых книг, и второй, маленький, в Мейфэре, для коллекционеров, – сообщила Грин, открывая дверь и первой выходя на парковку. Там она внимательно огляделась и только потом сделала девушке знак. – Осторожно, ступеньки.

Глава 4

*Чудесный видела я сон,
И, пробудившись, помню,
Как книжных тварей пестрый сонм
Не мог покинуть полки.*

Пансион миссис Лондон и впрямь оказался куда лучше любого жилья, которое могла позволить себе Сьюзен. Четырехэтажный викторианский особняк на Милнер-сквер был чистым, содержался безукоризненно, все, чему положено было работать, работало. Сьюзен даже предложили комнату на выбор, и она выбрала верхнюю, под самой крышей. Комната, хотя Сьюзен никогда и никому не призналась бы в этом, оказалась даже больше ее спальни в старинном и довольно ветхом коттедже матери. К тому же чище, аккуратнее, плюс с мебелью. Даже кровать и та была удобнее, чем дома.

Однако при всем том за комнату платил Особый отдел, а это значило, что за жилищкой не только будут следить – у Сьюзен было свое, весьма предубежденное отношение к тому, что инспектор Грин называла «присматривать», – но и отчитываться полиции о каждом ее шаге. Девушке становилось не по себе при одной мысли об этом, и она сразу дала себе зарок: съехать отсюда, как только найдет работу и получит первую зарплату. Вне всякого сомнения, сама себе она снимет что-нибудь намного хуже этого, но зато будет хозяйкой в своем доме.

Сьюзен приготовилась к тому, что за каждым ее входом и выходом станут следить и якобы равнодушная миссис Лондон, и ее постояльцы. Она ждала активных расспросов за завтраком, ждала, что какому-нибудь симпатичному молодому человеку (или девушке) приспичит пригласить ее на прогулку по городу, во время которой он (или она) станет выспрашивать подробности ее биографии. Но к ее удивлению, другие постояльцы, а их было всего трое, две женщины и один мужчина, оказались значительно старше ее самой и явно заботились скорее о том, чтобы сохранить тайну своей частной жизни, а не о том, как залезть в чужую. За завтраком хозяйка представила Сьюзен соседям, которые назвались явно вымышленными именами, после чего девушка оказалась предоставлена сама себе.

Конечно, она не исключала, что слежка ведется с помощью технических средств, и потому тщательно исследовала в своей комнате выключатели и пару подозрительных бугорков на стенах на предмет микрофонов. Однако бугорки, как и выключатели, оказались абсолютно невинными, а если бы даже не оказались, что она могла поделать? Постояльцам разрешалось пользоваться телефоном – аппарат стоял внизу, возле входной двери, – и уж в нем-то наверняка были жучки, но Сьюзен пока не звонила никому, кроме матери, а разговор с ней вряд ли представлял большой интерес для полиции.

Жасмин – вторая «с» появилась в имени матери всего пару лет назад, после краткого романа с одним нумерологом – нисколько не заинтересовало известие о безвременной кончине «дядюшки» Фрэнка. Правда, Сьюзен ни словом не обмолвилась ей ни о Мерлине, ни об огромной вше, ни о Древнем мире. Впрочем, все остальное, что дочь имела сказать матери при первом телефонном разговоре, также не тронуло Жасмин. Судя по всему, та опять пребывала в одном из своих сомнамбулических состояний: психологи объясняли их экспериментами с ЛСД в шестидесятых, когда она была тесно связана со многими известными персонажами тогдашней музыкальной сцены. Правда, придя в себя, Жасмин неизменно утверждала, что дело вовсе не в кислоте, которую она «употребляла очень умеренно», хотя и водила компанию с теми, кто без наркотиков жить не мог. Сьюзен не знала, верить ей или нет, но не особенно волновалась, давно привыкнув, что любые слова матери лучше делить на восемь.

– Пансион – это хорошо, – рассеянно отозвалась Жасмин. – Пришли мне открытку. С Трафальгарской площадью или другим симпатичным местом.

– Ладно, мам, – ответила Сьюзен.

Она не знала, почему ее мать так прикипела к этому месту, но раз в год, обычно в день рождения Сьюзен, они с матерью навещали в Лондон и обязательно шли к колонне Нельсона. Там Жасмин пару минут сидела у бронзового льва работы сэра Эдвина Ландсира, а потом вела дочку в первое попавшееся кафе и заказывала пирожные.

Жизнь матери Сьюзен до рождения дочери была тайной. Все, что девушка знала о ее прошлом, было догадками, основанными на редких проговорах матери, – отвечать на прямые вопросы дочери Жасмин категорически отказывалась. Старинная, пятнадцатого века, ферма под Батом была единственным домом, который Сьюзен знала с детства. Ферма, как однажды обмолвилась Жасмин, «всегда принадлежала нашей семье», однако прежде использовалась только как место для отдыха, пока не родилась Сьюзен. Детство самой Жасмин прошло где-то в Центральном Лондоне, причем ее родители были людьми не бедными, судя хотя бы по тому, что ферма располагалась на трехакровом участке, а сам дом за последние сто лет претерпел по меньшей мере две серьезные перedelки.

Но ни бабушек, ни дедушек, ни других родственников Сьюзен не видела ни разу – сколько она себя помнила, всегда были только она и мать.

Принимая во внимание то упорство, с которым мать избегала любых разговоров о собственном прошлом, можно считать настоящим чудом, что Сьюзен удалось добыть хоть какую-то информацию о своем возможном отце – несколько имен и еще кое-что. Правда, взглянув на Фрэнка Трингли, девушка нутром почуяла, что он ей не отец. Позже, услышав от инспектора Грин, что дегустаторы всегда вызывают у людей глубокое отторжение, она поняла почему.

Вычислить и найти Трингли было легче легкого. Каждый год он присылал рождественские подарки, а на упаковках стояли его полное имя и адрес. С остальными оказалось сложнее – от одних осталось только имя, от других, наоборот, только фамилия, записанная со слуха, и не факт, что верно. Еще в коллекции ее сокровищ были читательский билет, кажется, из библиотеки Британского музея, но такой линялый, словно его постирали в кармане штанов или куртки, так что имя выцвело до полной неузнаваемости, и портсигар, серебряный, с эмблемой, а то и гербом на крышке, однако имело это отношение к последнему владельцу вещи или нет, сказать было невозможно.

Но прежде чем пускаться в расследования, следовало позаботиться о заработке. Сьюзен имела приличный опыт работы в кафе, ресторанах и пабах (подрабатывала с четырнадцати лет – нелегально, конечно, но в провинции никто на это не обращал внимания), однако теперь, когда страна погрузилась в рецессию, найти место подавальщицы в пабе уже было счастьем. Но Сьюзен и тут повезло – в первый же день, после всего лишь четырнадцати неудачных попыток, она вошла в паб, откуда собралась увольняться барменша – уезжала домой, в Австралию – и Сьюзен заняла ее место за стойкой. С владельцами она прекрасно поладила, и зарплату ей назначили поистине королевскую – целых шестьдесят пенсов в час, разумеется, наличными из рук в руки. В пабе под названием «Дважды коронованный лебедь» на Клаудсли-роуд, всего в полумиле от Милнер-сквер, ей надлежало отрабатывать полную смену; правда, дни работы не были точно определены.

«Лебедь» – замечательное место, решила Сьюзен, поработав там пару раз. Во-первых, там было чисто, во-вторых, тихо: хозяин и его партнер, откликавшиеся на имена «мистер Эрик» и «мистер Пол», двадцать пять лет трудились в цирке – кидали и вертели друг друга на арене, а также перебрасывались и жонглировали разными тяжелыми предметами. Номер назывался «силовая гимнастика». Оба до сих пор с легкостью выполняли сальто назад с места и носили по два бочонка пива зараз. Понятно, что с ними предпочитали не связываться, и разборки с

подвыпившими клиентами, отравлявшие Сюзен жизнь в других местах, здесь были редкими и скоротечными.

Правда, мистер Эрик и мистер Пол тоже были не без придури – например, требовали, чтобы, наливая клиенту пива, Сюзен всегда держала кружку под определенным углом к крану, бутылочку с тоником ставила слева от стакана с джином, а сумму сдачи не считывала с экрана кассового аппарата, но отсчитывала вслух, монету за монетой. Но соблюдение этих нехитрых правил не казалось Сюзен такой уж большой обузой. Зато, начав работать, она обнаружила, что ей некогда ни думать о происшествии в Хайгейт-Вуд, ни заниматься поисками отца. Смена начиналась в одиннадцать утра и продолжалась до половины двенадцатого, а то и до полуночи, смотря сколько времени уходило на уборку после закрытия в половине одиннадцатого. Правда, с трех до четырех часов дня паб тоже был закрыт для посетителей, но работа всегда находилась: прибрать, выставить товар, помочь мистеру Полу на кухне.

Но прошла неделя, и Сюзен наконец получила выходной. Подсознание тут же воспользовалось этим, взявшись за переработку информации, полученной в Хайгейт-Вуд. Результат был таким: в четыре часа утра девушка вскочила как ошпаренная – ей снилось, будто в комнату с улицы просачивается черный туман, а по лестнице поднимается водяной. Она даже породовалась, что выматывается в пабе до полного изнеможения. Приснись ей такое в первую ночь, она не только проснулась бы сама, но и разбудила бы всех в доме своим криком.

Она встала, включила свет, убедилась, что не забыла запереть дверь на ночь, подошла к окну и проверила защелки – опущены. Улица за оградой была пуста, площадь тоже. Луна еще не взошла, облака застилали небо, и единственным источником света на улице были фонари.

Она успокоилась и подумала, что сон приснился ей просто так, ни с того ни с сего.

И подошла ко второму, маленькому окошку, которое выходило на узкий длинный участок позади дома. Большую его часть занимал газон, справа был небольшой клочок, отведенный под овощи, а позади, у самой ограды, – деревянный сарай с черепичной крышей.

На крыше кто-то был.

Кто-то темный сидел, поджав под себя лапы и отбрасывая длинную тень. Сине-зеленые глаза смотрели прямо на Сюзен.

«Лиса из парка пришла, – успокоила себя девушка. – Или Мистер Нимбус, хозяйский кот».

Но существо было куда крупнее лисы или кошки, а его глаза горели отнюдь не отраженным светом – на заднем фасаде дома миссис Лондон не было фонарей, отражать было нечего. Нет, эти глаза горели ярким бирюзовым огнем, который шел изнутри...

И вдруг глаза, а с ними и туловище, исчезли. Никто не скользнул с крыши сарая на землю, просто глаза только что смотрели на нее, и вот уже их нет.

Растаяли. Испарились.

Сюзен еще раз проверила раму, которая запиралась не только на обычную защелку, но и на солидный болт. Болт вставлен в петлю, защелка закрыта.

Значит, внутрь никто не попадет. По крайней мере, не сразу. Сначала придется разбить окно, то есть поднять шум.

Почему-то эта мысль не прибавила Сюзен уверенности. Девушка натянула на себя выдавшую виды футболку с надписью «Clash», линялый комбинезон, поразмыслила, обуваться или не стоит, но все же решила, что пойти на кухню за скалкой лучше в ботинках. У миссис Лондон была настоящая старинная скалка из дерева, твердого, как железо, с двумя веретенообразными ручками. Вооружившись ею, Сюзен вернулась к себе, села в единственное кресло, развернув его так, чтобы видеть сразу дверь, большое окно, выходившее на улицу, и маленькое, смотревшее в сад. Так она и просидела до самого утра.

Утром она съела полный английский завтрак – весь, кроме черного пудинга, который хозяйка, уже зная привычки Сюзен, даже не предлагала ей, – и подумала, не вернуться ли

в постель. Прочие жильцы, позавтракав, встали из-за стола и пошли на работу, на учебу или по другим делам. Миссис Лондон проводила каждого своим фирменным шотландским бурчанием, в котором можно было угадать что-то вроде «Доброго вам дня».

Накануне Сьюзен думала посвятить выходной поискам своего родителя, однако ночная тень на крыше сарая заставила ее изменить планы. Надо сперва поговорить с Мерлином, а значит, отправиться в один из двух магазинов, о которых говорила инспектор Грин.

Полчаса спустя она вышла из дому и, уже закрывая дверь, поняла, что на крыльце кто-то стоит. Это оказалась яркая молодая блондинка в широкополой ковбойской шляпе, кожаной байкерской куртке поверх синего хлопкового сарафана и в мартенсах, таких же, как у Сьюзен, только черных. Ансамбль завершала радужная сумка-торба из шерсти яка, при виде которой Сьюзен разинула рот, да так и застыла.

– Мерлин?

– Сьюзен! – воскликнул он и сногсшибательно улыбнулся. Затем сделал... сделала... шаг вперед и то ли поклонился, то ли присел в реверансе, Сьюзен не успела понять.

– Ты что, изменился? – с сомнением спросила Сьюзен. – Стал женщиной?

– Нет, – сказал Мерлин. – На такую тотальную перемену облика нужны время и визит в... ну, в одно особое место, где тебе помогут. Просто я люблю платья и надеваю их иногда.

– А я как раз собралась к вам в магазин, тебя искать, – сказала Сьюзен. – Ты знал?

– Откуда? – спросил Мерлин. – Я только сегодня вышел с больничного, и власти предержавшие тут же отправили меня сюда. Приглашают тебя на разговор.

– Хм, когда ты говоришь «власти предержавшие», ты имеешь в виду... мм... настоящие власти?..

– Нет, я имею в виду своего двоюродного деда Торстона и двоюродную бабушку Меррихью, – объяснил он. – А я тебе зачем понадобился?

– Я... я кое-что видела сегодня ночью, – сказала Сьюзен. – Точнее, рано утром. Оно сидело в саду и смотрело на мое окно. Вроде лисы, но крупнее, и глаза такие... горящие.

– Какого цвета?

– Зеленовато-синие. Бирюзовые. А потом оно исчезло. Понимаешь, я смотрела прямо на него, не отводя глаз, и вдруг его не стало. Оно не отвернулось, и с крыши никто не прыгал.

Мерлин изогнул бровь:

– Значит, в саду? Здесь, за этим домом?

– Да, на крыше сарая. Что это было?

– Не знаю, надо поглядеть.

Сьюзен отперла дверь ключом, который даже не успела убрать в карман, и сразу увидела миссис Лондон: хозяйка стояла в прихожей с таким видом, будто только что отскочила от двери, когда щелкнул замок. Мерлин, войдя следом за Сьюзен, весело приветствовал хозяйку и даже помахал ей левой рукой в белой хлопковой перчатке.

– Доброе утро, миссис Эл! Как жизнь?

– Оттого что ты спросил, лучше не стала, – буркнула в ответ миссис Лондон. – Ты кто? И смотри, не ври мне, я должна записать тебя в книгу.

– Как, миссис Эл... опять... я в отчаянии... это же я, Мерлин.

– А я думала, твоя сестра. Уж вы мне оба с вашими выходками.

– Нас теперь очень легко различить, миссис Эл, – легкомысленно защебетал Мерлин. – Она стала праворукой.

– В какую еще книгу? – спросила хозяйку Сьюзен. – Вы ведете записи для полиции?

– Нет, для инспектора, – ответила миссис Лондон кисло. – Это не одно и то же. – Она подозрительно взглянула на Мерлина. – А что тебе здесь нужно? Инспектор сказала, что у Сьюзен с вами все кончено.

– Увы, похоже, что нет, – отвечал Мерлин. – Я должен заглянуть в ваш сад, миссис Эл. Ночью там кое-кто побывал. По крайней мере, посидел на сарае.

– То-то я смотрю, Мистер Нимбус все утро к нему принимаются, – сказала миссис Лондон. – Ну, тогда проходи.

– Спасибо! – просиял Мерлин и метнулся мимо хозяйки с такой скоростью, что Сьюзен лишь с большим трудом удалось не отстать от него. Когда за ними закрылась сначала кухонная дверь, а затем и дверь черного хода, Мерлин наклонился к девушке и шепнул:

– Кто такой Мистер Нимбус?

– Кот, – ответила Сьюзен.

– Правда? Значит, новенький... Интересно, куда подевалась Терпсихора, ее кошка. Полезные они создания, эти коты. Знаешь, как говорят: «Кошки, совы да лучшие из воронов понимают в жизни больше, чем любой двуногий».

– Кто так говорит?

– Не помню, где-то читал, – сказал Мерлин и прошелся вдоль газона, время от времени нагибаясь и разглядывая кирпичный бордюр. – Кстати, как тебе мое платье?

– Э-э-э... красивое.

– А я тебе больше нравлюсь в брюках или в платье?

– Я как-то не думала, – промямлила Сьюзен, усиленно думавшая об этом.

Мерлин сверкнул озорной улыбкой и провел левой ладонью по мощеной дорожке, которая вела мимо газона к сараю.

– Защита не снята.

– Какая защита?

– Магические линии не нарушены. Специальные границы, преступить которые не может ни одно злонамеренное существо. Дом и сад обнесены ими со всех сторон, и, насколько я могу судить, никто даже не пытался их снимать.

– А насколько ты можешь судить?

– Конечно, праворукие лучше понимают в этом, – сказал Мерлин. – Но границы явно не пострадали. Кстати, тебе идет комбинезон.

– Э-э-э... спасибо, – только и смогла ответить Сьюзен.

– Мне тоже, – добавил Мерлин задумчиво. – Когда удастся найти свой размер.

Сьюзен машинально кивнула и встала.

– Хочешь, сходим потом в кино? Или выпьем чего-нибудь? – предложил Мерлин.

– Ты что, приглашаешь меня на свидание?

– Да, – подтвердил Мерлин немного удивленно, будто сам не ждал, что ляпнет такое.

– Мы так мало знакомы, – как можно небрежнее произнесла Сьюзен.

Конечно, ее влекло к Мерлину – а кого на ее месте не влекло бы? – но ей не нравилось, что он об этом знает. Он явно был из тех самоуверенных красавцев, которым обязательно нужно влюблять в себя всех встречных и поперечных, а Сьюзен вовсе не видела себя в роли безнадежно влюбленной молоденькой дурочки.

– Мы с тобой спасли друг другу жизнь, – сказал Мерлин. – Разве это не достаточная почва для сближения? Кстати, скажи...

– Но что это за тварь была на крыше? – перебила его Сьюзен, которой не терпелось вернуть разговор в прежнее русло. – А еще ты говорил, что отведишь меня в книжный... и вообще, у меня кое-кто есть.

– Вот как? А разве вы не расстались, когда ты сказала, что уезжаешь? Иначе было бы нечестно. Как ее зовут? Или его? И кстати, поскольку защита не пострадала, кекса не могла подойти к тебе ближе, чем ты ее видела.

– Ке... кто? Его зовут Ленни. Он музыкант, играет на французском рожке.

Слова сами сорвались с языка Сьюзен, о чем она тут же пожалела – незачем было рассказывать такие подробности. Но Мерлин лишь приподнял бровь.

– Кекса. Или дурманная кошка, кому как нравится. Зверь в кошачьем обличье, является в глухие часы ночи, дыхание его – яд. Кто-то ее послал – что-то разнюхать или на кого-тодохнуть. По-моему, все подтверждается.

– Что подтверждается? – не поняла Сьюзен и поглядела на него с раздражением и испугом.

Черт, разве можно быть таким симпатичным, таинственным и противным сразу?!

– Правота дядюшки Торстона. Он никогда не ошибается, когда дает себе труд вникнуть во что-нибудь. Да, Предкам просто необходимо на тебя взглянуть. Пошли, такси ждет.

Он повернулся и пошел назад, к дому, но Сьюзен схватила его за плечо.

– Ай!

– Ой, прости! Больно?

– Конечно больно, – ответил Мерлин. – Не зря же мне на две недели дали легкую работу. Никаких пачек с книгами, никаких уборок на полках. Чудесно.

Он хотел было идти дальше, но Сьюзен заговорила резко и настойчиво:

– Мерлин! Зачем твои родственники хотят меня видеть? И кто послал эту... как ее...

– Кексу.

– Да, вот именно. Инспектор Грин предупреждала, что мне грозят неприятности от Древнего мира, если я останусь в Лондоне.

– Она права, – сказал Мерлин. – Причем дело обстоит даже серьезнее, чем мы предполагали сначала, раз к тебе прислали дурманную кошку. Вот поэтому тебе и надо поехать со мной.

– Грин предупредила, чтобы я не встречалась больше с тобой, и вообще с книготорговцами.

– Хороший совет. Был.

– Почему «был»? И что вас так во мне заинтересовало?

– Ну, лично мне ты нравишься, и...

– Мерлин...

– Кекса идет по твоему следу, но мало того, мой многоуважаемый родич полагает, что тогда, в лесу, страж Род Альфара метил вовсе не в меня. По правде сказать, я сам подал ему эту идею, когда поразмыслил над тем, что случилось.

– Что ты хочешь сказать? Попал-то он в тебя!

– Да. Я встал на пути его стрелы. Но предназначалась она тебе.

– Мне?!

– А Род Альфара не стреляют в простых смертных. Обычно. Так что мой почтенный двоюродный дедушка, вообще-то, конечно, прапрапра- и еще много раз прадедушка, посоветовался с почтенной столько же раз прабабушкой, и оба спросили себя: кто же тогда ты?

– Никто, – отрезала Сьюзен.

– Твоя мамуля водила дружбу с дегустатором, – напомнил ей Мерлин. – С кем еще она была знакома в те дни?

– Вот это я как раз пытаюсь узнать, – сказала Сьюзен. – А почему ты уверен, что страж Род Альфара целился в меня?

– Я просто уверен. А вот дядя Торстон проверил: заставил кузена Нормана посмотреть назад.

Сьюзен уже открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, но Мерлин, сжавшись над ней, заговорил сам:

– Норман – праворукий предсказатель в своем роде. Этаким оракул наоборот. Видит не то, что будет, а то, что было. Понимаю, тебе не терпится спросить, поэтому говорю сразу: пра-

ворукие, которые могут заглянуть в будущее, тоже существуют, вот только видят они обрывки, не разберешь, что к чему. Так что судьбу мы не предсказываем, не надейся.

– Да мне и не надо, – с раздражением ответила Сьюзен. – Только... если Норман может заглянуть в прошлое, может, он увидит там моего отца и все станет намного проще.

– Хм... Чем дальше в прошлое, тем туманнее картинка, – сказал Мерлин. – Особенно для Нормана, который, честно говоря, туповат. Ладно, пошли, такси ждет.

– Правда? – удивилась Сьюзен, входя за ним в дом. – Широко живешь. У меня нет денег даже на то, чтобы поймать такси на улице, не говоря уже о том, чтобы заставить водителя ждать.

– Так я же не плачу! – воскликнул Мерлин. – С каких шишей, я ведь работаю в книжном, зарплата мизерная, вечно хожу с пустыми карманами. Все мои тряпки из «Оксфама», даже самые роскошные, или взяты напрокат у родичей. Просто у нас три семейных такси: у тети Одри, у дяди Джерома и одно общее, им пользуются все, кому надо. Кроме меня, увы, – с тех пор, как я разбил «дженсен» Эмилии, мне не доверяют садиться за баранку, никто ведь не учитывает, что я сделал это с целью задержать... а, ладно. Тетушка Меррихью предлагала завести такси как в том старом ТВ-шоу, знаешь, про шпионов. Ну, там еще лампочка такая, электрическая, на шнуре, качается, качается, а потом тр-рах, и разлетается от выстрела – да-да-дум, да-да-да-дум, да-да-дум, да-да-да-дум, пау!

– Каллан, – сказала Сьюзен. – Я смотрела. Что ж, идея хорошая, можно и такси взять, чтобы не отсвечивать. Хотя, по мне, лучше на метро: и дешевле, и быстрее.

– Нам нельзя в метро, – сказал Мерлин.

Выйдя из пансиона, он замешкался на нижней ступеньке крыльца, положив руку на низкую металлическую калитку. Сьюзен захлопнула дверь и остановилась в шаге от Мерлина, ожидая, когда тот сдвинется с места. Но он все стоял и крутил головой, разглядывая площадь перед домом.

– Концепция мифического палимпсеста, с которой я познакомил тебя в прошлый раз... короче, слои очень толстые, они тянутся почти через весь Лондон, особенно под землей. Там полно тварей, которые мирно спят, давно забытые всеми, и лучше, чтобы так продолжалось и дальше. Но есть и другие твари, которые не спят, а ждут знака, чтобы начать действовать. Наше присутствие беспокоит их. Вот почему мы никогда не ездим в метро, только в самых крайних случаях.

– Неудобно, – буркнула Сьюзен. – А как же автобусы?

– О, с автобусами все в полном порядке, – заверил ее Мерлин. – Просто на такси быстрее. Мне повезло, сегодня я получил разрешение им воспользоваться. Даже и не знаю, с чего бы это – то ли ты их действительно так интересуешь, то ли мне сочувствуют из-за моей слабости.

– Прости, что схватила тебя за плечо в саду. Я забыла.

– Вообще-то, мне совсем не больно, только никому не говори, – сказал Мерлин и снова оглядел площадь из конца в конец. – Куда запропастилась тетя Одри с такси?

Сьюзен тоже стала смотреть. На площади было припарковано много разных машин, но черного кеба среди них не было.

– Пассажира взяла, как пить дать! – в сердцах сказал Мерлин. – Вечно она соблазняется быстрыми деньгами, на мелкие расходы зарабатывает. Если бы везла кого-нибудь из кузенов постарше, то не позволила бы себе такого. Еще и дождь начинается.

– Придется нам все же ехать на автобусе, – сказала Сьюзен и подняла голову, чтобы взглянуть на небо. Дождь еще не шел, но, судя по тяжелым облакам, собирался, грозя свести на нет все обещания весны перейти в лето, которыми она разбрасывалась с 8:20 до 9:13, пока солнце ласково светило с безмятежно голубого неба. – Кстати, а куда мы едем?

– В Новый книжный, – сказал Мерлин, продолжая разглядывать машины на их стороне площади. – В Мейфэр. Стэнхоуп-Гейт.

– О-о... А я думала, вы продаете новые книги в большом магазине на Чаринг-Кросс-роуд. Так говорила инспектор Грин. Я была там, в «Фойле». Это где-то рядом?

– В Новом книжном продают старые книги, коллекционные экземпляры и вообще всякие редкости, – ответил Мерлин, по-прежнему не сходя с места; проследив за взглядом Мерлина, Сьюзен поняла, что его заинтересовал зеленый фургон «форд», в котором сидели двое. – В Старом книжном на Чаринг-Кросс-роуд продают новые книги. Ярдах в ста от «Фойла».

– Запутаться можно, – сказала Сьюзен. – Это что, настоящие названия ваших магазинов?

– Да, – сказал Мерлин. – Новый книжный в его нынешнем виде существует с тысяча восемьсот второго года; Старый книжный построили в тысяча семьсот двадцать девятом. Вот поэтому они называются «старый» и «новый». Слушай, ты раньше видела вон тот зеленый фургон? На площади?

Сьюзен пригляделась. Обычный фургон темно-зеленого цвета, ничем не примечательный, выпущенный не меньше десяти лет назад. На боку выцветшая надпись: «Совет Большого Лондона».

– Не знаю, – медленно ответила она. – Я вообще редко обращаю внимание на машины.

Двое в фургоне заметили ее взгляд, переглянулись, перекинулись парой слов и, кивнув друг другу, вышли на улицу. Обычные, казалось бы, рабочие в комбинезонах, если бы не черные балаклавы на лице и не молоток в руке.

Один из них ткнул пальцем в Сьюзен:

– Ты, Сьюзен Аркшо. А ну иди сюда!

– Зайди в дом и скажи миссис Лондон, пусть жмет на кнопку, – спокойно сказал Мерлин и раскрыл свою радужную торбу.

Его рука в перчатке нырнула туда и вынырнула, сжимая здоровенный револьвер. «Смитон.357», вспомнила Сьюзен, вставляя в скважину ключ и толкая дверь.

– Миссис Лондон! Мерлин сказал, надо жать на кнопку!

Снаружи Мерлин уже светским тоном приказывал «рабочим»:

– Бросьте молотки и поднимите повыше руки...

Миссис Лондон бежала вниз по лестнице, по пятам за ней семенил Мистер Нимбус.

Сьюзен не расслышала, что именно сказал Мерлину мужик в балаклаве, что-то вроде: «Не великовата ли пушка для такой смазливой девчонки?»

Грохнул выстрел, кто-то завизжал, молотки со стуком попадали на мостовую, а Мерлин уже отдавал новый приказ.

– Ох уж эти мне книготорговцы! – фыркнула миссис Лондон, подбегая к репродукции «Олена в окружении волков», висевшей над общим телефоном.

Надавив на уголок рамы, она просунула руку за наклонившуюся картину, нащупала тревожную кнопку на стене, нажала ее большим пальцем и подождала секунду.

Затем миссис Лондон удивила Сьюзен еще больше: отойдя от картины, она вынула из кармана своего передника синий автоматический пистолетик, шагнула к двери и, спрятавшись за косяк и вытянув обе руки с пистолетом вдоль тела, как заправский профессионал, выглянула в дверной проем.

– Хм... – произнесла она и тут же предупредила двинувшуюся к ней Сьюзен: – Нет. Стой там.

Снаружи Мерлин продолжал что-то говорить мужчинам. Сьюзен с напряжением ждала нового выстрела, но его не последовало. Вдали завывали сирены.

– Что там происходит?

– Ничего особенного. Два дурака лежат носом в асфальт, один, кажется, с простреленной ступней, – ответила миссис Лондон.

Зазвонил телефон. Миссис Лондон, не закрывая двери, попятилась к нему и свободной левой рукой сняла трубку.

– Лондон. Да. Порядок. Двое нападающих на улице, огнестрел в ногу, нужна «скорая». Один либер меркатор особого назначения на улице, э-э-э... женщина, молодая, блондинка, голубое платье, кожаная куртка, с револьвером. Передам.

Сьюзен обратила внимание, что по телефону хозяйка говорила совершенно чисто, шотландский акцент как рукой сняло.

Повесив трубку, миссис Лондон повернулась к двери и крикнула:

– Мерлин! – Акцент вернулся. – Две машины Д-одиннадцать в паре минут отсюда, с ними «панда» из Толпаддла. Приготовь ордер.

– Ясно, – крикнул в ответ Мерлин. – А вот и тетушка Одри, весьма сконфуженная, как ей и полагается. И где же вы были, тетечка?

– Пусть войдет, – крикнула ему миссис Лондон.

Через пару секунд в дом вкатилась улыбчивая пухлая коротышка лет сорока, черноволосая и темнокожая, в джинсах и вельветовом пиджаке поверх футболки. На левой руке красовалась потрепанная перчатка из коричневой кожи. Голой правой она держала пакетик из фольги, от которого шел умопомрачительный запах съестного.

– Миссис Эл, привет, – начала она. – Я только в кебабную сгоняла, пока Мерлин тут копался, а то я без завтрака. Здрасьте, ты, наверное, Сьюзен. Я Одри.

– Э-э-э... здрасьте, Одри, – ответила Сьюзен за двоих, потому что миссис Лондон только хмыкнула. Сирены приближались. – А мне что, опять в полицию придется ехать?

– Нет, – ответили в один голос Одри и хозяйка пансиона.

– Хотя инспектор Грин наверняка захочет с тобой побеседовать, – добавила миссис Лондон.

– Но сначала ты поедешь с нами, – сказала Одри. – Миссис Эл, вы узнаете тех двоих на улице?

– Нет, – ответила хозяйка. – Они не местные. Здесь вокруг все знают, что это за дом, так что никто сюда не полезет. Ну разве что полные придурки.

Сирены на улице завывали все громче, шины с визгом терлись об асфальт, но вот все стихло, захлопали дверцы машин. Синий свет полицейских мигалок заливал переднюю через полуоткрытую дверь.

– Вооруженная полиция! Всем стоять!

Одри развернула свой кебаб и смачно впила в него зубами. Миссис Лондон спрятала пистолет в карман.

– Пять минут на уборку – и сматываемся, – сказала Одри, продолжая жевать.

Глава 5

*В темноте под улицей
Спят гоблины, как курицы,
Натворили разных дел,
Но всему ведь есть предел.*

– Ты какая-то тихая, – сказал Мерлин, когда они со Сьюзен устроились в такси.

Сидя на откидном сиденье, лицом к ней, он внимательно оглядывал улицу и машины, в потоке которых они ползли по Юстон-роуд. Движение, как всегда, было отвратительным, к тому же заморосило.

– Я из провинции, студентка художественного колледжа, – ответила Сьюзен. – В Лондон приехала учиться и искать отца. Я вовсе не собиралась... становиться частью... вот этого всего. Мало мне того подозрительного дерьма, как выражается Грин, в которое я вляпалась с самого начала, теперь еще эти бандиты... Ну почему все это должно было случиться именно со мной?

– Хороший вопрос, – сказал Мерлин. – Я бы тоже хотел знать ответ.

Сьюзен злобно зыркнула на него, но промолчала. Разговор возобновился, лишь когда они проезжали мимо Дома телерадиовещания на Портленд-плейс.

– Би-би-си, – кивнул на здание Мерлин с видом столичного жителя, отвечающего на вопрос деревенщины.

– Знаю, – раздраженно бросила Сьюзен. – Говорю же тебе, я бывала в Лондоне. Раньше мы каждый год приезжали сюда на мой день рождения, только недавно перестали.

– Это я так, – отозвался Мерлин. – Просто чтобы разговор поддержать. А то ты притихла...

– Расскажи лучше, за что ты ткнул Фрэнка Трингли серебряной булавкой, – перебила его Сьюзен. – Я тебя спрашивала, но ты так и не ответил.

Мерлин покосился через плечо на Одри. Окошко в стеклянной перегородке между пассажирским и водительским отсеками было открыто.

– Хороший вопрос, дорогуша, – поддакнула Одри. – Так за что?

– Он не пожелал ответить на мои вопросы, – чопорно произнес Мерлин. – Хотя я был очень вежлив. А потом он решил полоснуть меня бритвой.

– Тебе повезло, что он так решил и к тому же затевал что-то действительно нехорошее, – сказала Одри. – Причем нехорошее в нашем смысле – завел гигантскую вошь и все прочее. А иначе ты уже огребал бы капустные грядки позади Торн-Хауса.

– Я знаю, – капризно ответил Мерлин.

– Слушайте, о чем тут речь, а? – сердито вмешалась Сьюзен. – И ты до сих пор не ответил на мой вопрос. Что ты хотел выяснить?

– Торн-Хаус – тоже часть семейного наследства, – сказал Мерлин. – Это в деревне, в Дорсете. Там выращивают овощи, много разных овощей. Тебе бы там понравилось. А вот мне – нет, поэтому меня и отправили бы туда в наказание.

– Если я выросла в деревне, это еще не значит, что я фермер, – возразила Сьюзен. – Так что ты хотел узнать?

Мерлин вздохнул.

– Шесть лет назад убили мою мать, – тихо проговорил он, глядя на свои руки: обнаженная правая лежала поверх левой в перчатке. – Застрелили. Предположительно, несчастный случай, из тех, о которых говорят, что человек оказался «не в том месте не в то время». На Слоан-стрит ограбили ювелирный, она вмешалась. Трое грабителей выскочили из магазина, когда она выходила из своего любимого цветочного по соседству. Мама уложила всех троих, но оказа-

лось, что в машине ждал четвертый, с обрезом. Он выстрелил ей в спину, сразу из двух стволов. Когда мне исполнилось восемнадцать и я прошел посвящение, я затребовал в Скотленд-Ярде дело моей матери. Можете сколько угодно называть это нездоровым интересом, но едва я прочитал его, как сразу понял: ни о каком несчастном случае и речи быть не может. Я уверен, что тех троих специально послали туда, чтобы убить мою мать. Ограбление ювелирного было лишь прикрытием. В общем, весь этот год я, пусть и урывками, собираю сведения по этому делу.

– Хотя тебе велели оставить его в покое, – вмешалась Одри. На Оксфорд-серкус движение снова заглохло, так что она могла спокойно повернуться затылком к баранке и поболтать с ними через открытое окошко. Вместе с ее словами до них донесся крепкий аромат говядины с луком. – Никаких свидетельств запланированного убийства не обнаружено.

– Никаких, кроме необычайной тупости исполнителей, – огрызнулся Мерлин. – Я разговаривал с ними в тюрьме. Со всеми, кроме стрелка Крэддока, – мать, хотя и с двумя пулями в спине, успела отправить его к праотцам. Так вот, я выяснил, что они полные кретины. Уверен, что с их мозгами хорошо поработали. Все трое рассказывали одну и ту же историю.

– Может, они всегда были такими, – неуверенно предположила Одри. – Уголовники часто не отличаются умом и сообразительностью. Погоди-ка, у нас кое-что наклеивается.

Двигатель снова заурчал, и Одри со снайперской точностью направила машину в узкую щель между белым «фордом-транзит» и автобусом, прежде чем невесть откуда взявшийся фургон перегородил им дорогу и на добрых минут десять отрезал другим водителям доступ к Оксфорд-стрит.

– Бандиты редко рассказывают одну и ту же историю одинаково, – возразил Мерлин. – А эти слово в слово твердят одно и то же, причем уже много лет. Обычно люди что-то путают, забывают. Значит, этот рассказ буквально вписали им в память, предварительно стерев оттуда кое-что другое. Тогда я покопался в их досье, досье их приятелей и так далее. Я искал связи, то, что свело их вместе для этой работы.

– И конечно, ни фиги не нашел, – отозвалась Одри, резко бросая руль вправо, в сторону Ганновер-стрит. – И тебе велели оставить это дело в покое. В который уже раз.

– Ну да, ничего определенного я не нашел, – признался Мерлин.

– А как же твой кузен? – спросила Сьюзен, которая думала о нем с тех пор, как ей рассказал про него Мерлин. – Оракул наоборот.

– Чего-чего? – не поняла Одри.

– Я воспользовался этим выражением, чтобы объяснить Сьюзен суть дара Нортон, – высокомерно ответил Мерлин. – Да, Нортон заглядывал в прошлое по моей просьбе. Но со дня убийства прошло пять лет, а Нортон лучше всего работает, когда речь о месяце-другом, не больше. Правда, есть такие... сущности... которые могут разобраться в путанице прошедшего или будущего либо дать подсказку, чтобы помочь вычислить правду. К одной из них я сходил.

– Против правил, – сказала Одри.

– Они в серой зоне, – ответил Мерлин.

– Ну и что? – сухо спросила Одри и тут же выругалась и вывернула в сторону руль, чтобы объехать пешехода, который внезапно шагнул на проезжую часть.

За ним потянулись другие – люди обходили группу рабочих: окружив наполовину вырытую дыру в тротуаре, те смотрели в нее с таким видом, будто она была диковинной тварью, готовой скрыться, стоит им только отвести взгляд.

– Короче, она... оно... сказало мне вот что. – И Мерлин, набрав полную грудь воздуха, откинулся на спинку сиденья и монотонно продекламировал:

– Ищи дегустатора, кровопийцу,
Скупщика краденого и убийцу,
Хозяина воров

На севере,
На севере
Города Луны.
Он знает, он знает, он знает,
Но молчит,
Клятвы и обеты сказать мешают,
Он не заговорит.

– Да уж, помогла так помогла, – заметила Одри. – Я насчет «не заговорит».

– Оракулы обычно уклончивы и ненадежны, – сказал Мерлин. – Вот почему я решил, что в этой песенке не хватает одной строки, невысказанного «пока не», или что разговор с этим парнем, если я его найду, даст мне другую подсказку. И в сущности, оказался прав. Кстати, «Город Луны» – это Луан-Дун, или Лондон. Вот почему я решил пошарить среди дегустаторов Северного Лондона и обратить особое внимание на тех, кто связан с преступным миром. Я нашел двоих – карманника и книжного вора. Не самые большие авторитеты, конечно, но именно они вывели меня на Трингли, настоящего вора в законе. С теми двумя я разговаривал вполне мирно и с «дядей Фрэнком» поговорил бы так же, если бы тот не полез за бритвой...

Вдруг он умолк, подался вперед и уставился через плечо Сьюзен в заднее окно, потом резко обернулся и поглядел в переднее. Такси медленно ползло по Керзон-стрит, только что миновало поворот на Болтон-стрит. Вся проезжая часть была запружена автомобилями, а тротуары – пешеходами, в основном туристами.

– Одри! – воскликнул он. – Мелюзга!

– Вижу, – ответила Одри так, словно глазам своим не верила. – Чего это они повылезли-то при солнце?

Сьюзен разглядывала улицу сквозь боковое окно в рябинках дождя, пытаясь понять, что так встревожило Мерлина и Одри. На ее взгляд, снаружи все было как обычно – море машин, фургонов и мотоциклов плескалось между тротуарами, по которым тек такой плотный поток пешеходов с зонтами всевозможных цветов, форм и размеров, что те, у кого зонтов не было, то и дело подныривали под чужие, не желая получить струйку воды за шиворот или спицу в глаз.

– Там нет солнца, – сказала она. – А что вы...

– Фигура речи, – пояснил Мерлин. – Те, кого мы зовем мелюзгой, вообще не показываются при свете дня... а тут я уже троих насчитал, Одри...

– А я – четверых, – последовал ответ. – Пятерых... Чертово движение! А вон шестой! Седьмой! Ну же, поезжай, идиот!

Такси резко остановилось – впереди него сдал назад фургон, причем там, где места для этого не было совершенно. Позади них автомобили и без того стояли бампер к бамперу, так что такси застряло намертво.

– Остаемся здесь или сматываемся? – тревожно спросил Мерлин.

Одри посмотрела вперед, по сторонам и наконец назад.

– Они окружают такси хороводом, – мрачно сказала она. – Кто знает, вдруг холодное железо поможет, но я не понимаю, я такое в первый раз вижу. И вообще никогда их так много не видела, не говоря уже о том, чтобы они танцевали при свете дня. Сматываемся!

– Ладно, – сказал Мерлин. – Ты на восток? А мы на запад?

– Ага, – выдохнула Одри.

– У тебя нет чего-нибудь старого, чтобы их треснуть?

В ответ Одри выхватила из-под солнечного козырька палку из ветки терновника. Палка была примерно ярд длиной, кривая, узловатая и твердая, как железо, без наконечника или украшений. Два шипа торчали из ствола крестообразно, образуя что-то вроде рукоятки. Одри просунула палку в окошко перегородки:

- Возьми ты. Они наверняка гонятся за Сьюзен.
- Спасибо, – ответил Мерлин.
- Если удерете от них, отключишь охрану, – добавила Одри.
- Ага. И ты, – сказал Мерлин.
- Готовы? – спросила Одри. – Вперед!
- Что такое? – удивилась Сьюзен.

Она смотрела в окно. Снаружи все выглядело совершенно нормально, и вдруг прямо за стеклом возник ребенок: мальчик лет пяти или шести, со странной клиновидной мордашкой, блестящими глазенками и ярко-красными щеками. Свободная ярко-алая рубашка, разорванная во многих местах, придавала ему сходство с клоуном, которого протащило через аэродинамическую трубу.

Он начал приплясывать и кривляться, отчего стал еще больше похож на клоуна, и вдруг ухмыльнулся во весь рот, показав ряды гнилых пеньков, среди которых выделялись два желто-белых резца непомерной длины и остроты.

Сьюзен шарахнулась, но Мерлин, схватив ее за руку, распахнул дверцу, и они выскочили на асфальт, Одри сделала то же самое с другой стороны.

Около дюжины уродливых пацанят в ярких рубашках, держась за руки, выплясывали вокруг такси. Они явно собирались встать в хоровод, но не успели: Мерлин с размаху ударил терновой палкой по двум протянутым друг к другу рукам и метнулся в возникшую дыру, таща за собой Сьюзен, как на буксире. Ей пришлось бежать со всех ног, иначе он вывихнул бы ей плечо.

Мерлин бежал по проезжей части, лавируя между автомобилями, и вдруг встал как вкопанный. Навстречу им, откуда ни возьмись, высыпала новая толпа страшноватых ребятишек, окружила их и пустилась в пляс.

Тут Сьюзен с ужасом осознала, что с улицы исчезли все пешеходы – и с зонтиками, и без таковых, и здравомыслящие люди в плащах с поднятыми от непогоды воротниками, и юркие, легко одетые оптимисты. Всюду, куда ни глянь, были только дети – дюжины дюжин ребятишек плясали, сужая круги и протягивая друг другу руки: трехпалые ладони с загнутыми назад большими пальцами, растущими совсем из другого места, чем у людей, с кривыми, словно когти, ногтями. Одним словом, они больше походили на лапы хищных птиц, чем на человеческую ладонь.

Танцоры – сорок, а то и пятьдесят – встали в большой круг, посередине которого оказались Мерлин и Сьюзен, и побежали против часовой стрелки. При этом они совсем не шумели, только обернутые в тряпье ноги шелестели по асфальту, а из широко распыленных гнилозубых пастей вылетало зловонное дыхание. Все быстрее и быстрее неслись они по кругу, подскакивая и шаркая, подскакивая и шаркая...

Правой рукой Мерлин притянул Сьюзен к себе, а левую, с палкой, вытянул вдоль бока.

– Опоздали, – сказал он. – Они поймали нас в Майский круг. Держись за меня, не отпускай.

– А где... – начала Сьюзен и умолкла, озираясь по сторонам, не столько в страхе, сколько в изумлении. За спинами скачущих пацанят исчезли не только пешеходы – вся улица, все дома, все автомобили таяли на глазах, истончались, уступая место совсем иному пространству: впереди теперь лежало открытое поле, а вокруг них громоздились палатки и шатры, сараюшки и телеги, повозки и прилавки. Погода и та переменялась – дождевые облака раздвинулись, открыв ярко-голубое небо, с которого лился прямо-таки августовский зной, хотя календарь с утра показывал девятнадцатое мая.

– Бесплатно ничего ни у кого не бери, – предостерег Мерлин. – Особенно еду и питье.

– Но здесь же никого... – опять начала было Сьюзен и опять не успела закончить: вокруг стояли люди, много людей, все в средневековых одеждах – коротких кожаных куртках, домашних рубашках и штанах, в сапогах и простых башмаках из кожи.

Вместе с людьми вернулись и звуки: продавцы громко называли свои товары, покупатели болтали и смеялись, вдалеке играли музыканты – гудели дудки, бил барабан. За звуками нахлынула волна запахов – вонь от множества потных, немых тел, земли и навоза мешалась с ароматами жареного и копченого, переслаивалась дымом костров.

Тут плясуны дружно встали, засмеялись и, разорвав круг, бросились кто куда и быстро растаяли в толпе.

– Где мы? – спросила Сьюзен и несколько раз моргнула.

Все вокруг выглядело как-то странно, но она не могла понять почему...

– На Майской ярмарке, – отозвался Мерлин. – А точнее, внутри ее мифического резонанса, который сохранился благодаря тому, что место, где она проводилась много веков подряд, сохранило свое название до наших дней³. Это ловушка. Пацанята... точнее, гоблины... заманили нас сюда своим танцем. Что совсем не похоже, кстати, на их обычное поведение. Они, конечно, трикстеры, но сравнительно безобидные. Например, они никогда не отнимают жизнь, по крайней мере нарочно...

– Поцелуй меня, красотка, – взревел вдруг рядом с ними пьяный здоровяк. Из одежды на нем была только рубашка из грубого домотканого полотна, да и та задралась намного выше колен. Слюнявыми губами он потянулся к Мерлину, но тот ловко вывернулся и ударил его терновой палкой под коленки. Здоровяк потерял равновесие и рухнул на грязную землю. Еще крепче сжав руку Сьюзен, книготорговец повел ее подальше от разбитой деревенской колеи – будущей Керзон-стрит, – где пьяница лежал в луже и хохотал так, словно всю жизнь мечтал вывалиться в грязь.

– Они настоящие, – задохнулась от изумления Сьюзен, когда мимо, едва не задев ее, проплыл поднос с ароматными пирожками. Его несла женщина, чье лицо цвело счастливой улыбкой. – И все такие довольные, даже странно.

– Здесь все настоящее, но только для нас и ненадолго, – сказал Мерлин. – А они такие довольные, потому что это идеализированная версия ярмарки. Куда нас заманили гоблины. Но они обязаны следовать традиции и дать нам шанс выбраться...

Тут он скакнул в сторону, чтобы избежать столкновения с ребенком – настоящим, а не зубастым, остролицым гоблином, – и Сьюзен пришлось повторить кульбит своего спутника, иначе она отпустила бы его руку.

– Как и водяной в Хайгейт-Вуд, гоблины должны играть по правилам своей легенды. Мы с тобой лишние в их мире, и сейчас здесь, с нами, есть одна вещь, которая тоже не вписывается в этот мир, не подходит ему. Они должны показать ее нам трижды. Если мы не разглядим ее и не потребуем себе, то останемся в этом мире навечно; забудем, кто мы, откуда, и превратимся в архетипы мифической ярмарки.

– Вещь, которая не подходит, – повторила Сьюзен рассеянно.

Ее отвлек медведь: большой, бурый, он приближался к ним справа, по проходу между палатками. Шкура зверя лоснилась, точно шелковая, сам он семенил и покачивался на ходу, а вожатый, который вел медведя на тонкой серебристой цепочке, копировал каждый его шаг, так что они здорово походили на пару подвыпивших гуляк.

– Это может быть человек, вещь, что угодно, главное, чтобы оно выглядело странно, не на своем месте, – продолжил Мерлин и потянул Сьюзен с пути медведя к прилавку. Там лежали груды жареных сосисок и кружили тучи мух. За прилавком была яма, полная тлеющего

³ Название лондонского района Мейфэр (Mayfair) может быть переведено как «Майская ярмарка».

древесного угля, над ней лежала решетка, где тоже были сосиски: шипящие, потрескивающие, истекающие жиром.

– Сосиски! Лучшие сосиски! Королю впору... королеве тоже подойдут! – надрывалась хозяйка прилавка, женщина невысокая, но весьма громкоголосая. Увидев Сьюзен, она низко поклонилась и протянула ей вилку, на зубьях которой исходил паром кусок ароматной сосиски. – Попробуйте, ваше высочество!

Запах сосисок и впрямь кружил голову, гоня прочь мысли об антисанитарии. Сьюзен почувствовала, как рот наполняется слюной, и уже хотела протянуть руку за угощением, но Мерлин потащил ее дальше, мимо трех жонглеров и небольшой толпы у громадной бочки, врытой в землю между двумя мазанками. Там шло соревнование по ловле угрей: кто больше наловит, сиганув в бочку.

– Нельзя ничего есть, забыла? – рявкнул Мерлин, затащив ее за мазанки, где было меньше народу. – Одной крошки довольно, чтобы мы застряли здесь навеки. Эх, жалко, Вивьен с нами нет.

– Кто такая Вивьен?

– Моя сестра. Спец по всяким загадкам, головоломкам и прочему. Ну а ты ничего странного не увидела?

– Откуда мне знать, что здесь не к месту?! – возмутилась Сьюзен. – Я же никогда не была на средневековой ярмарке! На современную, и то не ходила.

– Ладно, пойдем искать, – сказал Мерлин. – Смотри внимательно и не отпускай мою руку.

– А чего они все тут такие счастливые – улыбаются, смеются, прямо бесит? – спросила Сьюзен, пока они пробирались по узкому ярмарочному проулку, который скоро вывел их в более широкий, центральный. – По мне, лучше бы хмурились и глядели угрюмо, и то не так жутко было бы.

– Обратная сторона ярмарки тоже присутствует, и нам ее скоро покажут, не волнуйся. За праздничным фасадом скрываются обман, воровство, отчаяние и даже убийства. И лучше нам выбраться отсюда раньше, чем ярмарка начнет меняться. Но я не вижу ничего, что было бы здесь некстати!

На пересечении рядов Сьюзен остановилась и, приподнявшись на цыпочки, огляделась. Правда, она и так была выше всех ростом, и это оказалось удобно, хотя и странно. Пританцовывая на ходу, к ним приближались музыканты: барабаны, две лютни, куча дудочек вроде флейты и еще одна штуковина, похожая на волынку-переростка. Подойдя ближе, лютнисты сделали изысканный пируэт и расступились, а из-за их спин показалась молоденькая девушка с огромной корзиной цветов. Едва взглянув на нее, Сьюзен поняла: то, что они ищут, и то, что с самого начала вселяло в нее непонятное беспокойство, находится прямо перед ними.

– Цветочница! – крикнула она, проталкиваясь сквозь толпу краснорожих поселян в одежде из мешковины, которые покатывались со смеху над ужимками и прыжками двух акробатов на ходулях, изображавших неудачное совокупление каких-то странных существ, возможно, насекомых. На этот раз Сьюзен тащила за собой Мерлина, а не наоборот.

– Что?

– Здесь все такое яркое! – крикнула девушка, ныряя под огромный поднос с пирогами, который, видно, специально вытащили на самую середину прохода. Мерлин ужом скользнул за ней. – Цвета как в мультике! Супернасыщенные, сочные. А в корзине цветочницы есть цветок совсем без цвета. Вон она!

Цветочница уходила, ее спина мелькала в толпе, которая прибывала прямо на глазах. Казалось, все, кто был на ярмарке, бросили свои дела и сбежались к центральному перекрестку с одной-единственной целью – помешать Сьюзен и Мерлину догнать девушку с корзиной. Просто остановить людей было не во власти гоблинов, ведь они нарушили бы древний закон, которому подчинялась вся их жизнь, но вот слегка переиначить его – это пожалуйста.

Мерлин снова бежал впереди, размахивая терновой палочкой. Все, кто попадался им, старались увернуться от нее, точно боялись прикосновений, но, когда палочка все же дотрагивалась до них, не выказывали никаких признаков неудовольствия, а наоборот, смеялись и улыбались.

Девушка с корзинкой свернула в боковой проход, и Сьюзен снова увидела в ее корзинке тот цветок. На этот раз его заметил и Мерлин. Роза на высоком стебельке была не просто бесцветной, но совершенно прозрачной, и казалась бы стеклянной, если бы стебель не пружинил, а лепестки не трепетали при каждом шаге цветочницы.

– Это уже второй раз! – крикнул Мерлин. – Вперед!

И он сунул палку между колен торговки угрями, отчего та споткнулась и рухнула, уронив кадку с товаром, которую несла на голове. Скользкие твари рассыпались во все стороны, люди поскальзывались на них и тоже падали, образуя кучу-малу. При этом они ни на миг не переставали улыбаться и хохотать, точно это было удовольствие, за которое они заплатили из собственного кармана.

Мерлин и Сьюзен, перепрыгнув через угрей, снова побежали за цветочницей, а та, обогнав их на дюжину шагов, торопливо шагала по узкому проходу между задними рядами уличного театра – двух- или трехэтажного сооружения из раскрашенного холста на деревянном каркасе. Вдруг небо потемнело, набежали тучи, внезапно повеяло холодом.

– Нет! Играем честно! – завопил Мерлин, еще прибавил шагу и сумел-таки коснуться кончиком терновой палки спины цветочницы.

Она остановилась и повернулась. Издали она казалась улыбчивой и хорошенькой, но теперь было видно, что с румяной мордашки сбежали все краски, щеки исхудали и зашелушились, подбородок заострился, рот наполнился пеньками зубов, среди которых торчали два резца, длинных и острых, а еще она уменьшилась на целый фут.

– Мы не из этого времени и места, как и твой цветок, – с пафосом начал Мерлин. – Отдай его...

Рычание заглушило его слова, а потом из щели между сараями выскочила громадная лохматая собака и зубами вцепилась в палку. Собака была такой тяжелой, что Мерлина, который не выпустил палку из рук, развернуло и протащило несколько шагов, а Сьюзен, которую он тоже держал за руку, не успела отреагировать и от толчка упала в грязь, крепко приложившись бедром. Хорошо хоть свободную руку выставила, а то могла бы что-нибудь сломать. Но все равно было больно.

– Плохая собака! – рявкнула она скорее по привычке, не очень рассчитывая на реакцию животного. – Плохая собака! Фу!

Все, в том числе, наверное, собака, удивились, когда зубастые челюсти разжались и выпустили палку.

– Сидеть! – скомандовала Сьюзен, поднимаясь с земли.

Она была очень зла и потому, что упала и выпачкалась, и потому, что ее втянули во все эти мистические разборки, и вообще из-за всего на свете.

Собака села. Сьюзен поглядела на цветочницу:

– А ты, гoblin, или как тебя там, дай мне цветок. Живо!

Цветочница вытянула из вихря ярких маргариток бесцветную розу и, опустившись на колено, протянула ее Сьюзен.

Та взяла цветок.

Ярмарка исчезла стремительно, как ледяная скульптура тает на видео при ускоренной перемотке: мультишные цвета сменились блеклой реальностью, средневековая вонь – выхлопными газами, а толчея старинной ярмарки – столпотворением современного Мейфэра.

Они стояли на Керзон-стрит, у поворота на Шеперд-маркет. Дождь припустил еще сильнее, крупная капля попала Сьюзен в глаз. Рядом с ними остановились две молодые американки, явно туристки.

– Видела тех ребятишек? – спросила одна другую. – Которые пробежали здесь только что?

– Каких ребятишек? Нет, я, кажется, отключилась ненадолго – никак не приду в себя после перелета. Ой, ты глянь! Какая прелесть! Настоящий английский паб!

– Их ждет неприятное открытие, – сказала Сьюзен. – Пинта настоящего эля комнатной температуры, плюс молодые американки обычно терпеть не могут...

– А ты знаешь, что тварь, которая вцепилась в мою палку, была не собакой, а волком? – сказал вдруг Мерлин. Нахмурившись, он внимательно разглядывал глубокие отметины на темном старом дереве, оставленные волчьими зубами, потом вздохнул и стряхнул пятнышки грязи, пристаившие к его платью. Но пятнышки оказались слишком свежими и размазались, превратившись в полосы, которые не только не испортили платье, но даже придали ему особый панковский шарм. – Так что я уж и не знаю, кто ты... или, может быть, что?

– Я – это просто я, – задумчиво ответила Сьюзен, глядя на розу, которая утратила все признаки живого цветка и стала стеклянной, прозрачной и негибкой. – Я умею говорить с собаками, и все.

– Вот как?! – жизнерадостно воскликнул Мерлин. Закинув на плечо палку, он, в лучшей манере Джина Келли, перескочил через лужу и стремительно, так, что платье встало колоколом, повернулся к Сьюзен. Та по-прежнему стояла на месте. – Пошли, магазин уже совсем рядом!

Глава 6

*Не песня улаживает их дикие сердца,
Левши-солдаты бьются до самого конца,
А выслушав историй и сказок целый рой,
И ураган поймают, и зверя под горой.*

Если бы не бронзовая табличка, почти незаметная на фоне внушительного георгианского фасада, никто бы не догадался, что в этом пятиэтажном городском доме расположен магазин редких книг. И все же это был он – Новый книжный. Вход в него скрывал портик с колоннами, заглядывать под который не пришло бы в голову никому, кроме людей сведущих.

К удивлению Сьюзен, едва переступив порог, они уткнулись в другую дверь, массивную и очень старую с виду. Бронзовые створки украшали фигуры двух бородатых великанов с шипастыми дубинками на плечах. Глазами великанам служили камни – прозрачные и такие сверкающие, что их можно было принять за бриллианты, будь они поменьше. Первая дверь захлопнулась за Мерлином и Сьюзен, глухо щелкнув замком.

– К нам иногда навещаются незванные гости, – пояснил Мерлин и, шагнув вперед, нажал на кнопку звонка возле второй двери. – Ничего, сейчас откроют.

– Прекрасная работа, – ответила Сьюзен, которая внимательно разглядывала бронзовые створки.

– Гог и Магог, – охотно прокомментировал Мерлин.

Прозрачные глаза гигантов вдруг вспыхнули, заставив девушку отпрянуть.

– Дверь изготовил Великий Рондельчайд, изобретатель и маг, в тысяча восемьсот девяносто девятом году, – сказал Мерлин. – Он был праворуким. Настоящее имя – Рональд Биггинс. Чего он только не изобрел за свою жизнь: аппаратуру для иллюзионистов, исчезающие шкафы и все такое прочее. Обожал эти штуки. Нашим клиентам они тоже нравятся.

– А она что-нибудь делает? – спросила Сьюзен. – Я хочу сказать, эта дверь, она волшебная?

– Нет, – ответил Мерлин. – В глазах электрические лампочки, только чтобы видеть, кто пришел. Но дверь очень солидная – двухдюймовые бронзовые листы на стальном каркасе.

Сьюзен подняла голову. В потолке поблескивал странный кусок стекла.

– Одностороннее зеркало, – догадалась она.

– А вот оно как раз волшебное, – сказал Мерлин. – Две горсти воды, зачерпнутые из... ну, скажем, священного озера... с двух противоположных берегов одновременно. Будь зеркало побольше, ты могла бы шагнуть сквозь него прямо туда. Правда, ничего интересного ты бы все равно не увидела. Так, обычная столовая. Тебе не понравилось бы. Идем.

Бронзовые створки вздрогнули, с гулом и лязгом поехали в стороны, но застопорились на полпути. Один великан скрылся внутри стены, второй остался снаружи. В отверстие между ними Сьюзен увидела очаровательную уютную библиотеку, где массивные люстры лили с потолка электрический свет на шесть рядов книжных стеллажей. На застекленных полках стояли книги – старинные тома в переплетах из красной, черной, синей и зеленой кожи или клееного холста; попадались и более экзотические экземпляры, в обложках из металлических пластин или звериных шкур. В торце каждого стеллажа располагалось старое кожаное кресло, которое словно приглашало погрузиться в его уютные глубины и начать читать.

Прямо у входа два длинных стола красного дерева были буквально погребены под антикварными книгами. В проходе между ними Мерлина и Сьюзен ждал книготорговец средних лет с яркими глазами и необыкновенно длинной бородой, заплетенной в три косы. Большой передник с многочисленными карманами почти скрывал поношенный синий костюм с затер-

тыми до зеркального блеска локтями, оставляя на виду клетчатую рубашку и потрепанный галстук-бабочку. На правой руке у продавца была хлопчатобумажная белая перчатка, а еще Сьюзен заметила на его переднике узкий карман-чехол, чтобы класть тонкий длинный нож для бумаги.

– Дверь опять заело, – сказал он. – На полу-Гоге, как мы обычно говорим. Добро пожаловать домой, Мерлин. Все уже с ног сбились, вас ищут.

– Значит, Одри все же добралась до вас?

– Добралась и принесла новость, неслыханную и довольно тревожную, – ответил тот. – Никто и не припомнит, когда гоблины в последний раз осмеливались вытворять такое при солнце, по крайней мере не в нашу бытность. О, прошу меня простить, я заболтался. Вы, наверное, Сьюзен? Меня зовут Эрик. Могу я предложить вам полотенце?

Сьюзен оглядела себя. За последние несколько часов с ней случилось столько всякого, что она даже забыла про свой мокрый до нитки комбинезон и облепленные грязью ботинки. Мерлин тоже промок, но все равно выглядел как картинка, а мокрое платье на нем – как каприз сумасбродного фотографа из модного журнала.

– Мм... да, пожалуйста, – сказала она, верно истолковав косой взгляд Эрика – тот боялся, как бы она случайно не закапала книги.

– Проходите сюда. Вон там, за столами, вход в служебные уборные, – сказал Эрик. – После чего вас будут ждать наверху.

– Предки уже здесь? – спросил Мерлин. – И Меррихью тоже?

– Да, сегодня они здесь, оба, – сказал Эрик и, помешкав, добавил: – Удачи.

Мерлин скорчил гримасу и протянул ему терновую палку:

– Передай Одри, когда она вернется, ладно?

Эрик кивнул и сунул палку в подставку для зонтов, сделанную из пня какого-то дерева. Подставка раскорячилась у двери, корни, хотя и подпиленные, занимали жутко много места; из выдолбленного нутра торчали еще несколько похожих палок, пара антикварных черных зонтов с ручками из слоновой кости и двуручный меч с бронзовой рукояткой в виде двух переплетенных драконов – здоровенный, выше Эрика.

– Может быть, розу тоже взять? – спросил Эрик.

– Э-э-э... не нужно, я сама подержу, – отказалась Сьюзен.

Она не знала, на что ей сдался этот цветок, просто чувствовала, что ей хочется рассмотреть его получше, как только представится возможность. Совсем недавно она видела, как гнется стебелек и колышутся лепестки, и даже теперь, когда цветок стал неподатливым и твердым, словно стекло, он сохранил естественность и индивидуальность, отличающие истинные произведения искусства от фабричной штамповки.

Идя следом за Мерлином, Сьюзен старалась не вертеть головой, чтобы вода с ее волос не капала, упаси бог, на книги. Тома были старыми, потертыми, без суперобложек, и читать названия, не поворачивая головы, не получалось, но некоторые, вытисненные золотыми или серебряными буквами, Сьюзен все же разглядела – больше потому, что хорошо знала и сами книги, и их авторов: «Буря», «Айвенго», «Доводы рассудка», «Грозовой перевал» – Шекспир, Вальтер Скотт, Остин и Бронте. Какое-то время они шли вдоль полок, сплошь занятых Библиями, в том числе старинными, и вдруг взгляд Сьюзен уткнулся в витрину, возле которой девушка потрясенно сбилась с шага: «Поэтические наброски» Уильяма Блейка соседствовали в ней с первым изданием «Семи столпов мудрости» Т. Э. Лоуренса, а венчало потрясающую подборку первоиздание всех пьес Шекспира.

У самого выхода из комнаты был большой шкаф, где книги стояли не корешками, а обложками вперед. Сьюзен опять замерла, узнав в них любимцев многих поколений детей: «Ящик наслаждений» Джона Мейсфилда; книги о Нарнии К. С. Льюиса; «Ослик подрезчика торфа» Патрисии Линч; «Очарованная зима» Виктории Уокер; «Черные сердца в Баттерси»

Джоан Эйкен; исторические романы Розмари Сатклифф, в том числе «Серебряная ветвь», которую сама Сьюзен особенно любила в детстве; «Власть Трех» Дианы Уинн Джонс; «Странный камень из Бризингамена» Алана Гарнера; «Пятеро детей и Оно» Э. Несбит и многие другие. Сьюзен не раз брала в библиотеке точно такие же книги, только зачитанные почти до дыр, а эти были новехонькими, в целых, покрытых защитной пленкой суперобложках.

– Ох уж эти детские писатели, – вздохнул Мерлин. – Опасная компания. Вечно доставляют нам неприятности.

– Как так? – удивилась Сьюзен.

– Ну, не нарочно, – смиловился Мерлин, открывая дверь. – Но один ошупью подберет ключ к какому-нибудь древнему мифу, другой выпустит на свободу то, чему лучше оставаться в неволе, – и сразу давай писать об этом в книжках. Детские сказки – это ведь, знаешь ли, не сплошь выдумки. Идем.

Сьюзен оторвалась от книг и шагнула за Мерлином в тесный кабинетик, где из-за двух бюро с откидными крышками, старого каталожного шкафа на шесть ящиков и стойки для оружия с шестью винтовками «Ли-Энфилд.303» было негде повернуться. Винтовочные штыки, «Паттерн Суорд» 1907 года выпуска, лежали на специальной полке. Под ней помещался потерянный зеленый ящик для амуниции с желтой трафаретной надписью на боку: «Патроны 303. ПУЛИ 303».

В задней стене кабинета была дверь, через которую Мерлин вывел Сьюзен в узкий, обшитый панелями коридор с двумя дверями по левую руку и просторной лестницей по правую. Одну дверь украшало изображение дамской шляпки, другую – мужского цилиндра.

– Какую уборную предпочитаешь? – спросил Мерлин. – Полотенца есть в обеих, одежда тоже. Можешь переодеться, если захочешь. Правда, из одежды одни спецовки, и те огромные, как аэростаты. Похоже, мы скупили все, что не сносил за войну Черчилль⁴. Зато они сухие.

– А ты будешь переодеваться? – с подозрением спросила Сьюзен.

Образ Мерлина, облаченного в спецовку размером для Черчилля, как-то не укладывался у нее в голове.

– Потом, – ответил Мерлин. – Но тебе рекомендую, а то ты и правда очень грязная...

Сьюзен внимательно оглядела себя, убедилась, что это действительно так, и шагнула к двери со шляпкой. Она рассчитывала, что там будет почище – в пабе она, среди прочего, мыла уборные и хорошо представляла себе разницу между ними.

Когда десять минут спустя она вышла, Мерлин уже ждал ее в коридоре. Он ухитрился отчистить свое голубое платье, а мокрые волосы завернул в тюрбан из полотенца – и почему-то выглядел совсем не глупо, а так, будто это был последний писк моды, которую Мерлин сам же и придумал.

Но Сьюзен не стала завидовать элегантности Мерлина. Вопреки его заверениям, ей удалось отыскать в уборной спецовку своего размера, к тому же с поясом, который в магазинах подержанной одежды обычно отсутствовал напрочь. Спецовка сидела как влитая, а многочисленные удобнейшие карманы с лихвой компенсировали неприятное покалывание грубой хлопчатобумажной материи. Свою одежду она завязала в узел и теперь чувствовала себя киношным бродягой, странствующим в поисках работы, – в фильмах тридцатых годов те всегда выглядели чистенькими, умытыми, а потому совершенно неправдоподобными.

– Как ты нашла костюм по размеру? – удивился Мерлин. – Я сто раз искал, причем в обеих уборных! Бесполезно, одни переростки! Есть еще такие?

– Нет, – ответила Сьюзен.

– Ну вот, как всегда, – огорчился Мерлин.

⁴ В годы Второй мировой войны Уинстон Черчилль носил спецовки (рабочую одежду, состоящую из куртки, соединенной с брюками).

– А что там за обувь? – спросила Сьюзен.

В просторной уборной, которая походила скорее на школьную раздевалку, чем на туалетную комнату, девушка обнаружила не только полки с аккуратно свернутыми синими спецовками, но и другие, с рядами черных ботинок, отполированных до зеркального блеска. Все были большими, неуклюжими и, вне всякого сомнения, неудобными.

– Церемониальная обувь, – сказал Мерлин и передернул плечами. – Которую нам иногда приходится надевать. Ладно, пошли. Дядюшка Торстон и тетушка Меррихью заждались.

Сьюзен сделала два шага и остановилась. Центральная лестница оказалась старше остального дома – средневековая, а не георгианская, с черными дубовыми перилами и ступенями из грубых досок. Подняв голову, девушка увидела, что лестничный колодец уходит вверх на шесть этажей – ровно на один больше, чем она насчитала снаружи. Еще три или четыре пролета вели вниз, где ступеньки терялись в непроглядной тьме: электричества и даже антикварных масляных ламп, как наверху, там не было.

– Да, там что-то вроде пентхауса, с улицы не видно, – беззаботно бросил Мерлин. – Вниз лестница уходит еще на несколько этажей. Этот дом построили вокруг другого, куда более старого, а тот возвели поверх совсем древнего. Пошли.

– Подожди, мне надо подумать, – упрямо сказала Сьюзен и уселась прямо на ступеньку. – Вообще-то, после всего, что со мной случилось, я имею полное право биться в истерику, рыдать и молить, чтобы меня избавили от этого кошмара.

– Вот как? – спросил Мерлин и начал подниматься по лестнице. – И что же, с тобой все в порядке?

Сьюзен подумала и кивнула.

– Да, – сказала она. – Наверное, это просто отсроченный шок. Скоро начну молоть всякую чушь. – Подумав немного, она добавила: – Вообще все это даже не показалось мне... таким уж неожиданным.

– Что именно? Хоровод гоблинов, которые заманили тебя на мифическую Майскую ярмарку?

– Ну да... – подтвердила Сьюзен и нахмурилась. – Может, я просто слишком мало знаю и потому не боюсь.

– Может быть, – согласился Мерлин, хотел что-то добавить, но передумал и быстро побегал по лестнице. – Нам наверх! Быстрее!

Сьюзен встала и последовала за ним, но на первой же площадке застыла как изваяние. Слева и справа от лестницы были две двери: стрельчатые, высокие, каждая не меньше восьми футов в высоту, расписанные сценами из пьес Шекспира. На левой двери три ведьмы и Макбет окружили огромный железный котел поразительных пропорций: верхний край находился на одном уровне с головами женщин. На правой двери рука об руку стояли Миранда и Просперо из «Бури», а за их спинами, в глубине темной пещеры на берегу моря, маячил Калибан. Росписи так поразили Сьюзен, потому что они были уменьшенными копиями картин Мэри Хоар, художницы восемнадцатого века, почти забытой. Сьюзен знала о ней от миссис Лоренс, своей учительницы живописи, которая обожала Хоар.

– Это же Мэри Хоар! – воскликнула она и шагнула ближе, чтобы рассмотреть росписи. – Только эти большие... и написаны маслом. Кто-нибудь знает, что они у вас?

– Надеюсь, что нет, – сказал Мерлин. – Мэри Хоар была одной из наших, праворукой. Художники или скульпторы чаще выходят именно из них, а мы, леворукие, обычно пишем стихи или музыку. Насколько я понимаю, эту Миранду художница писала с себя. Да и котел... гм... тоже... хотя не важно.

Но Сьюзен не обратила внимания на то, что Мерлин заговорил о котле, и потому не заметила, когда он передумал. Она стояла, почти уткнувшись носом в одну из дверей, и внимательно разглядывала роспись.

– Если это оригиналы, – заговорила она, – то они, должно быть, написаны около тысяча восьмисотого года?

– Тысяча семьсот девяносто шестой, – отозвался Мерлин. – Послушай, нам правда пора...

– Какая прелесть! – воскликнула девушка и бегом припустила по лестнице вверх. – А еще такие есть?

– Э-э-э... гм... нет, – ответил Мерлин. – В смысле, Мэри Хоар больше нет. Куда ты так несешься?

Сьюзен перескакивала через три ступеньки зараз, но на следующей площадке остановилась и разочарованно выдохнула. Там стояли совсем другие двери: стальные, крашенные серым, с заклепками по периметру. Никто бы не удивился, увидев их на военном корабле. Собственно, именно оттуда они и прибыли: эта пара бронированных дверей закрывала входы в бомбовые погреба «Бенбоу», дредноута флота его величества времен Первой мировой.

– Эти сняты с боевого корабля, – сказал Мерлин, догоняя Сьюзен, которая уже взбегала на следующий марш. – Дом ведь старый, в разные годы его интерьером занимались разные люди, но, поскольку посетителей дальше торгового зала не пускают, сделать все гармоничным не пытались никогда...

– Вы не пускаете посетителей внутрь? – удивилась девушка. – А как же я?

– А ты, видимо, исключение, – отозвался Мерлин. – Интересно, а этого мастера ты знаешь?

Они достигли площадки третьего этажа, и Сьюзен снова остановилась, разглядывая очередную пару дверей.

– Нет... какие красивые. Немецкая работа?

Старинные полотнища дверей были набраны из липовых филенок, по девять штук в каждом. Их покрывала искусная готическая резьба со сценками из повседневной жизни. Вот крестьяне жнут в поле хлеб, вот меняла взвешивает монеты, вот рыцари на башне, монахи в скриптории, воз с поклажей у дорожной заставы... а вот и книготорговцы со своим привычным товаром и с мечами, припрятанными позади книг, и даже один дракон. Каждая фигурка была вырезана с большой любовью, сценки изобиловали подробностями.

– А ты соображаешь, – сказал Мерлин. – Это работа Тильмана Рименшнейдера. Скульптор пятнадцатого века. Работал по преимуществу в Вюрцбурге, но эти двери сделал на месте, то есть здесь.

– Тоже праворукий? – спросила Сьюзен.

– Нет, он был не наш, – ответил Мерлин. – Просто один из наших оказал ему важную услугу, и мастер расплатился с семьей этими дверями. К сожалению, двери на двух других этажах совершенно обыкновенные, но вообще здесь много произведений искусства, как и в других наших домах. Надеюсь, когда-нибудь я смогу тебе их показать. Придешь пораньше, и перед тем, как выйти куда-нибудь, пройдемся по комнатам, посмотрим. Те, кому мы помогаем, нередко выражают свою признательность, даря нам произведения искусства, а все праворукие – ярые коллекционеры.

– Один балл за «ярых коллекционеров», – сказала Сьюзен, пока они одолевали следующую лестницу; намек на то, что им еще предстоят совместные выходы, она предпочла проигнорировать. – Сейчас не часто услышишь подобное.

– Мы ведь живем в мире книг, – ответил Мерлин, пожимая плечом.

– А леворукие что-нибудь собирают? – спросила девушка, когда они миновали двери следующего этажа, такие банальные, что выглядели бы уместно в школе, где училась Сьюзен, – здании, построенном в середине пятидесятых.

– Оружие, – ответил Мерлин.

На третьем этаже, там, где кончалась главная лестница, было три двери. Левая и правая ничем не отличались от тех, что они видели на предыдущей площадке, – скучные фабричные штукорины из уродливой послевоенной фанеры, примечательные лишь тем, что совершенно не гармонизировали со всем остальным зданием.

Третья дверь, прямо напротив лестницы, без украшений, впечатляла шелковистым блеском, какой бывает лишь у очень старого, многократно полированного красного дерева. На ней не было ни ручки, ни замка, только дверной молоток в виде головы льва с кольцом во рту, причем грива бронзового царя зверей распласталась вокруг головы на целый фут.

Мерлин подошел, взялся за кольцо и трижды стукнул.

– Не волнуйся, – сказал он, обернувшись через плечо к Сьюзен. – Они тебе ничего не сделают.

– Что? – удивилась она, ей и в голову не приходило опасаться чего-либо подобного, по крайней мере до намека Мерлина. – О чем это ты?

– Я на твоей стороне, – добавил Мерлин и отошел от Сьюзен.

Дверь распахнулась, открыв узкую лестницу между шершавыми оштукатуренными стенами. На ступенях лежал толстый красный ковер, его удерживали толстые бронзовые прутья, тускло поблескивая в свете старинных газовых ламп. Сьюзен слышала их характерное шипение, пока они поднимались вверх.

– Почему на моей стороне кто-то должен быть? – спросила Сьюзен. – И почему лампы газовые?

– Предки старые, им нравятся знакомые вещи, – ответил Мерлин. – Ну и театральности ради, конечно. Это у нас в крови.

Он продолжал подниматься, а Сьюзен стояла, разинув рот, и смотрела ему вслед. Сколько десятков лет минуло с тех пор, как в Лондоне, да нет, во всей Британии, сменили газовые рожки на электрические лампы? Не найдя ответа, она закрыла рот и пошла за своим провожатым.

Лестница оказалась изрядно длинной: немного погодя со стен исчезли всякие следы штукатурки, и каменная кладка стала видна во всей красе.

Они все шли и шли, и когда, по подсчетам Сьюзен, позади уже осталось столько ступеней, что с лихвой хватило бы на три или четыре этажа, впереди показалась еще одна дверь – из грубо оструганных досок. Мерлин постучал, на этот раз левой рукой в перчатке, и им тут же открыли: на пороге стояла высокая, изящная, удивительно черная женщина лет тридцати, в золотой сеточке на волосах, в длинном, до щиколоток, шелковом платье ярчайшего красного цвета и парусиновых армейских ботинках. Солнце светило ей в спину, так что она производила необычайно сильное впечатление.

В правой руке она держала шариковую ручку с синим эмалевым корпусом, в левой – блокнот. Сьюзен показалось, что кисть левой руки незнакомки покрыта перчаткой из сверкающих серебряных нитей, но, приглядевшись, поняла: свет испускает кожа.

– Кузина Сэм! – воскликнул Мерлин. – Не знал, что ты уже вернулась. Что пишешь – стихотворение?

– Совершенно верно, – сказала Сэм. – Прохожу курс восстановительного чтения и поэтической терапии в тиши своего кабинета после непредвиденных разногласий с Правокатающимися камнями и Среброглазым. Правда, меня внезапно вызвали, чтобы побыть телохранителем при Предках. Похоже, назревает какая-то заварушка.

– И что же ты пишешь? Сонет? Вилланель?⁵ Канцону? – спросил Мерлин.

– Лимерик, – серьезно ответила Сэм. – Точнее, цикл лимериков, объединенных сквозной темой.

– Жду не дождусь следующего состязания поэтов, – сказал Мерлин. – А ты...

⁵ Вилланель – стихотворение, состоящее из девятнадцати строк, пяти трехстиший и четверостишия.

Тут из-за спины Сэм раздался сварливый женский голос с явным шотландским акцентом. – Сэм! Это кто, Мерлин с той девушкой? Веди их сюда. Или мне весь день ждать?

Сэм отступила от двери и сделала прибывшим знак проходить. Первым вошел Мерлин, за ним – Сьюзен. Они оказались в просторном, без перегородок, пентхаусе с окнами во всю стену. Из них открывался вид на Гайд-парк на западе и дома к югу от Стэнхоуп-Гейт и отеля «Дорчестер» на севере. Все здания выглядели на удивление приземистыми, хотя Сьюзен могла поклясться, что уж отель-то, по крайней мере, выше магазина книготорговцев. Дождь перестал, и небо снова стало голубым, хотя ему было далеко до той безупречной синевы, которую Сьюзен наблюдала над Майской ярмаркой совсем недавно.

Сэм опустила на стул у входа и взялась за книжку. Рядом с ней, у стены, стояли меч в ножнах, автомат Калашникова, парусиновая сумка, сквозь ткань которой отчетливо проступали гнутые линии магазинов с патронами, и, наконец, терновая палочка, очень похожая на ту, которая была в такси у Одри. Кисть левой руки Сэм продолжала испускать серебристое свечение, но Сьюзен велела себе не пялиться на нее и через две-три секунды преуспела в этом.

Оторвав глаза от Сэм, Сьюзен увидела другой любопытный предмет – бронзовую фигуру человека в натуральную величину: то ли «Бронзовый век» Родена, то ли его копия. Скорее второе, судя по бесцеремонности, с которой владельцы обращались со статуей – ее использовали в качестве вешалки для верхней одежды. Сейчас ее голову окутывал старомодный тренч от «Берберри» и плащ-дождевик. Эта статуя и еще большой линиялый ковер, не то турецкий, не то персидский, были самым примечательным, что имелось в помещении. В целом пентхаус был обставлен непродуманно и скупой: длинная кушетка в стиле ар-деко двадцатых годов составляла компанию трем клубным кожаным креслам из предыдущей эпохи, а между ними торчал кофейный столик – бочонок из-под виски с круглой стеклянной крышкой на месте спиленного верхнего донышка. На клепках были видны порывшиеся от времени, когда-то красные буквы: «Миллтаун 1878».

Мужчина и женщина, по виду лет семидесяти, а то и старше, отложили книги и поднялись навстречу вошедшим. Он – сереброволосый, с дубленным лицом, плечистый и рослый, не меньше семи футов, в поношенном твидовом костюме и коричневой кожаной перчатке на правой руке. Она – невысокая, хрупкая, с морщинами на лице, все еще удивительно красивом, снежно-белые волосы зачесаны назад и перетянуты на затылке черной лентой. Ее наряд поража́л эксцентричностью: поверх простого черного платья без рукавов был надет зеленый рыболовный жилет с множеством карманов, с которых свисали цветные мушки для рыбной ловли, зацепленные крючками за специальные петельки. Руки, открытые до самых плеч, морщинистые, но ничуть не дряблые, а мускулистые, на левом предплечье – сильно выцветшая татуировка: кинжал и три капли крови. Кисть этой руки покрывала резиновая садовая перчатка.

– Дядюшка Торстон, тетюшка Меррихью, – начал Мерлин, – позвольте представить вам Сьюзен Аркшо.

– Наконец-то, – ответила дама с сильным шотландским акцентом. – Ты же знаешь, все это ужасно неудобно, Мерлин. А вы, молодая особа, подойдите ближе. Мы не кусаемся.

– Уж я точно, – рокотнул Торстон. – Бояться нечего.

У него тоже оказался акцент, но совсем другой, йоркширский. Сьюзен подошла ближе и остановилась, разглядывая обоих: Торстон читал «Загадку XIV века» Барбары Такман и, прежде чем закрыть ее, аккуратно поместил туда закладку, а Меррихью просто положила развернутую книгу корешком вверх на стеклянный столик. Это был «Тигр в дыму», детектив Марджери Аллингем, карманное издание «Пингвин букс».

Но больше всего девушку поразила разница их акцентов. Раньше она не задумывалась об этом, но вдруг поняла: Мерлин говорит как выпускник престижной частной школы, Одри – явно кокни, в речи Сэм, которая открыла им дверь, проскальзывали канадские или американские интонации, только смягченные образованием. И вот пожалуйста – шотландка и йоркши-

рец, причем, скорее всего, фермер. Это совершенно сбило ее с толку. Как большинство британцев, она бессознательно и безошибочно делила людей на классы по их выговору.

– Да нет, – возразила Меррихью. – Бояться определенно есть чего, и, возможно, не тебе, а нам.

Глава 7

*Один лондонский книг продавец
В моде был удивительный спец,
С ярко-желтой перчаткой темно-синий пиджак
Не носил без нагана никак:
Дальновиден был книг продавец.*

– Бояться меня? – воскликнула пораженная Сьюзен. – Вам? С чего бы?

– Это я так, для примера. Мы еще не знаем, следует нам бояться или нет, для этого не хватает информации, – ответила Меррихью. – Чая хочешь?

– Э-э-э... да, пожалуй, – сказала Сьюзен. – Но я все равно ничего не понимаю. Вообще ничего.

– Да ты садись, девочка, садись, – ласково пророкотал Торстон и указал могучей правой рукой на свободный стул. – Мерри хочет сказать, что мы озадачены: и в прошлый раз страж Род Альфара явно метил в тебя, будто ты представляешь для них какую-то опасность, и сегодня тебе пытались помешать прийти к нам, причем дважды – сначала какие-то бандиты, а потом гоблины похитили тебя прямо с улицы и заманили на Майскую ярмарку среди бела дня!

– Отсюда вопрос: это твоих рук дело? – перебила его Меррихью. – Может, ты сама подстроила и то и другое, чтобы избежать встречи с нами?

– Что?! – От возмущения Сьюзен даже отскочила от стула, на который собиралась сесть, и взглянула на Мерлина, но тот ответил ей смущенной улыбкой. – Да я знать ничего не знала ни о Древнем мире, ни о прочей ерунде, пока не познакомилась с Мерлином. Я учусь в художественном колледже – ну или буду учиться, скоро. И еще я ищу своего отца. Вот и все.

Меррихью взглянула на Торстона. Тот кивнул, опустил в кресло, где сидел до появления Сьюзен, сунул руку в жилетный карман и начал что-то искать.

– Ну да, ну да, девочка говорит правду, насколько она сама ее знает, – проговорил он. – Примите наши извинения, мисс Сьюзен. А где же чай?

– Сейчас приготовлю, дядюшка, – ответил Мерлин и сбежал, преследуемый по пятам свирепым взглядом Сьюзен.

Она только теперь заметила, что в пентхаусе есть что-то вроде алькова, куда и направился Мерлин. Едва он приблизился к нему, как оттуда высунулась рука и втянула его внутрь. Точнее, не рука, а ручка – тонкая, женственная, правая. В атласной перчатке с многоточием пуговиц на запястье.

При виде этой ручки Сьюзен ощутила легкий укол ревности, но тут же подавила это чувство. Она еще раз напомнила себе, что от Мерлина как от бойфренда толку не будет – такие, как он, обычно любят только себя. Любая девушка интересуется его лишь до тех пор, пока она недоступна, но стоит ей поддаться на ухаживания, как он забывает о ней навсегда. Сьюзен не хотела подобных отношений, навидавшись, как ее мать то и дело попадает в такие ловушки.

При этом Сьюзен не могла не признать, что Мерлин намного привлекательнее бедняги Ленни, отношения с которым, по правде говоря, начались по принципу «на безрыбье и рак рыба». Да, он, конечно, славно играет на рожке, пальцы у него ловкие, волосы – кудрявые и мягкие, но все равно не то...

– Так, а теперь расскажи о своей встрече с гоблинами, – потребовала Меррихью. – Одри говорила, что вас повели в хороводе и заманили на Ярмарку. Как вы оттуда выбрались? Мерлин заметил что-то необычное?

– Нет, не Мерлин, а я, – ответила Сьюзен, оторвавшись от возмутительного по своей несправедливости сравнения Мерлина и Ленни, и протянула вперед руку с цветком. – Вот эту

розу... Только там она была живая и совершенно прозрачная, хотя все вокруг было раскрашено в яркие цвета.

– Да, леворукие не очень понимают в таких делах, – удовлетворенно буркнул Торстон; одной рукой он достал понюшку табаку из кисета, который все же выудил из кармана, а другой продолжал шарить в глубинах своего жилета в поисках чего-то еще – наверное, трубки или бумаги для самокрутки. – Но стрелки отличные, в этом им нет равных, надо признать. Ну а сначала что было, когда эти паразиты-гоблины только завели хоровод?

Меррихью фыркнула, но смолчала.

Сьюзен стала рассказывать все с самого начала, стараясь ничего не пропустить. Она заметила, что Мерлин высунул голову из алькова и тоже стал внимательно слушать.

– Хм... это интересно, – протянул Торстон. – Значит, ты приказала, и собака тут же отпустила палку, да? Знаешь, девочка, я начинаю думать, что нам тоже полезно узнать, кто твой отец.

– Это еще почему? – без обиняков спросила Сьюзен.

– Вот смотри: Род Альфара считают, что ты представляешь для них опасность – раз, – пустился в объяснения Торстон, подчеркнув «раз» взмахом руки с зажатой в ней понюшкой табака, отчего на пол посыпались коричневые крошки. – Те двое, которые приходили за тобой сегодня утром, – два. Инспектор Грин говорит, что до сих пор не вытянула из них и пары связанных слов. А значит, кто-то хорошо поработал с их мозгами, и этот кто-то наверняка имеет отношение к лесной шайке, с которой вы столкнулись две недели назад. Это три. Кстати, эти ребята, ну, которые были утром, они из Бирмингема, банда «Молочная бутылка». Ни Грин, ни мы никогда не слышали, чтобы у них были связи с Древним миром – хоть там, в Бирмингеме, хоть здесь, в Лондоне. Гангстеры вообще сторонятся потустороннего, а потустороннее не жалует гангстеров. Конечно, иные зловерные твари берут на службу людей, но это всегда особая публика – так называемые Сектанты Смерти, а никак не обычные воришки или разбойники, заметь. Тех они не трогают. – Тут он замолчал, может, хотел дать Сьюзен переварить все сказанное, но скорее для того, чтобы не просыпать весь табак. – И наконец, перебрав тех существ, которые способны не мытьем, так катаньем заставить гоблинов Майской ярмарки похитить среди бела дня, с людной городской улицы, двух смертных... включая книготорговца... мы поневоле приходим к выводу: здесь что-то не так. И задумываемся о том, что же объединяет все эти происшествия? Сьюзен Аркшо. А что в ней такого интересного, в этой Сьюзен Аркшо? Ее неизвестный отец.

– Это мое дело! – раздраженно бросила Сьюзен. – Моя семейная история, и вас она не касается.

– Поверь, нам бы и самим очень хотелось так думать, – сказал Торстон. – Более того, это ужасно неудобно...

– Чертовски неудобно и, скорее всего, совершенно бессмысленно! – нетерпеливо бросила Меррихью. – Ну, где там чай?

– Уже несу! – крикнул Мерлин.

Из алькова тут же донеслось убедительное звяканье чашек, блюдец и ложечек и послышались чьи-то приглушенные голоса.

– Так вот, я хотел сказать, – как ни в чем не бывало продолжил Торстон, – что мы поможем тебе отыскать отца... или хотя бы узнать, кто он... гораздо скорее, чем ты сделаешь это сама. Или даже с чьей-либо помощью... Наконец-то!

Во внутреннем кармане пиджака обнаружилась – и была торжественно извлечена – внушительных размеров курительная трубка с гнутым чубуком и огромной головкой. «Как у хоббита», – сразу подумала Сьюзен, давняя поклонница Толкина. Торстон принялся набивать трубку остатками табака, умудрившись просыпать на пол не все.

– Надеюсь, ты не собираешься коптить здесь этой паровозной трубой, – сказала Меррихью, когда Торстон, зажав в зубах трубку, принялся хлопать себя по карманам в поисках еще чего-то. – Ты разве забыл? Курение в обоих магазинах строжайше запрещено. С прошлого года. Это было общее решение.

– Ну да, ну да, – огорченно проворчал Торстон, вынул изо рта трубку и грустно на нее поглядел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.